

Юрій Дойков

Надія Суровцова.

На засланні в Архангельську.
(1933–1937)

Архангельск, 2005

Дойков Юрий.

Надія Суровцова. На засланні в Архангельську. (1933–1937)
Архангельск. — 2005. — 92 с.

Фото на обложке: Надежда Суровцова. Архангельск. 1935 г.
Набережная Северной Двины и типография в которой
работала Суровцова. Зима 2004 г.

ISBN 5-86279-041-1

© Юрий Дойков. 2005

В Умани (на Украине) скончалась Надежда Витальевна Суровцева.
Погребенье состоялось на местном кладбище в Светлый Понедельник
15 апреля 1985 года.

(«Русская мысль» Париж. №3566, 25.IV.1985)

м. Умань. Памятник Надежде Витальевне
Суровцовой-Олицкой

Фото: Дмитрия Калюжного. 1986 г.

Предисловие

Леся Никаноровна Падун-Лукьянова (27 августа 1924 г. Полонное. Шепетовский р-н. Ныне Хмельницкая область. — 18 августа 2002 г. Киев) работала до последнего часа.

В декабре 1997-го я спрыгнул с вагона «прямо в снежок» на ночной Киевский перрон. Так мы встретились. Тот декабрь забываем. Объединило нас имя и судьба Надежды Витальевны Суровцовой-Олицкой.

Это о ней Солженицын писал в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Была схвачена в ГПУ и только через четверть столетия еле живую выкарабкалась на Колыме».

На Украине имя Суровцовой — легендарно.

Арестована в Харькове в 1927-м. Лубянка, Бутырка, Ярославский централ, ссылка в Архангельск, «городишко такой гамсуновский» (ее выражение), арест, этап на Колыму...

Родная сестра ее мужа Дмитрия Олицкого Екатерина Олицкая вспоминала:

«Надя попала на Колыму раньше меня, в страшное время гаранничины. Она в числе других женщин, осужденных по 58-й статье, отсиживала в карцерах 1 мая, октябрьские дни. При ней из бараков уводили людей на расстрел по расчету при проверке: «Каждый десятый выходи в сторону!». Гаранница — это время, когда люди сотнями умирали от эпидемий, замерзали в палатках и бараках, когда утрами по дороге двигались подводы с мертвыми, когда голые трупы с подвод сваливали в облюбованный тюремщиками овражек. Его притрусили сверху землей, когда он наполнился доверху.

На Колыме — вечная мерзлота. Запах тления не мешает жизни. Может быть, мерзлота сохранит эти братские могилы и когда-нибудь история раскроет их и воздвигнет памятник жертвам страшных ошибок, страшных лет. Это не были годы войны. Это не были годы фашистских майданеков, это были лагеря смерти 1938—1939 годов». (Е. Олицкая. Мои воспоминания. Том II. Франкфурт на Майне. «Посев», 1971, стр. 264-265).

После освобождения из лагеря в мае 1942 года Суровцова осталась на Колыме. В феврале 1950-го — третий арест в Нижней Сеймчане. На Украину вернулась в 1957 году, поселилась в Умани. Занималась переводческой работой, пропагандой украинской литературы.

С конца 1960-х годов активная участница правозащитного движения на Украине. Умерла 14 апреля 1985 года в Умани на 90-м году жизни. Автор неподписанного некролога на ее смерть написал:

«XX съезд прошел мимо Н. Суровцовой — она просто не знала о том, какие перемены он принес с собой, пока однажды не стала случайно свидетельницей того, как на ее глазах взорвали гипсовый сталинский монумент. Потрясенная, она стала выяснять, что же происходит, а, узнав, по совету знакомых написала письмо М. Бажану. В те годы «позднего реабилитанса» письмо возымело действие, и Суровцовой удалось, в конце концов, вернуться в родную Умань, где и прошел остаток ее жизни.

Н. Суровцова вернулась к своей деятельности краеведа и пропагандиста украинской литературы. Благодаря ее усилиям в Умани был спасен от разрушения старинный костел (правда, только здание — сейчас в костеле картинная галерея). С самого начала правозащитного движения в конце 60-х гг. Н. Суровцева приняла в нем активное участие. Она познакомилась и подружилась со многими украинскими — и не только украинскими — правозащитниками.

Престарелая Н. Суровцева стала постоянным объектом обысков КГБ. У нее проходили обыски по делам многих арестованных правозащитников: Кузьмы Матвиюка, Виктора Некипелова и др. Были обыски и по фантастическим поводам — например, по таинственному делу о «краже». Но изымали лишь одно: бумаги. Прежде всего, КГБ интересовали ее мемуары — было известно, что она их пишет. Много, действительно, было найдено и изъято — теперь уже, очевидно, это пропало навсегда. Но многое сохранилось и когда-нибудь обязательно увидит свет...».

(«Страна и мир» Мюнхен, 1985, №5, с. 186).

Впервые часть ее обширных воспоминаний были опубликованы в трех выпусках киевского ежегодника «Украина. Наука и культура» (украинский язык) в 1990–1993 годах.

Отдельной книгой они были опубликованы в Киеве в 1996 году в издательстве имени Елены Телиги¹. Продиктованы мемуары, как писала Суровцова «*потребностью правды*» и рассчитаны (это уже аннотация издательства) «*на грядущего исследователя эпохи, каждого кто захочет знать про минувшее прошлое*».

Время пребывания в Архангельске (ноябрь 1932 — осень 1937 г.) в «Воспоминаниях» не отражено.

¹ Елена Телига — выдающаяся поэтесса. Расстреляна в Бабьем Яру.

После главы о Ярославском политизоляторе (где Н. В. С. сидела в одиночной камере №37 с «окнами» на восходящее за Волгой солнце, а, затем (когда от нее не добились показаний по делу «Украинского Национального центра») на Северном дворе политизолятора в камере №62 «где уже никакого солнца не было никогда» сразу начинается глава «Архангельск-Голгофа»:

«Осенью 1937 года мы тронулись в путь. Загудел ледокол «Москва», отправился в последний рейс через Двину, нас погрузили, снова застучали колеса, увозя меня дальше, чем когда-либо представлялось — в самых невозможных мечтах и... надолго. Нас было пять. Два брата Филипповичи: один из них — представитель в каком-то торгпредстве, а в прошлом — министр в одном из правительств Украины, кажется, Центральной Рады, другой — обыкновенный экономист-плановик. Потом — Олейник (Оленченко — Ю. Д.) — совсем неизвестный мне, и его жена Яковлева, которую я впервые в жизни встретила в дороге в «черном вороне» и от нее узнала, что все мы и еще двое, Степаненко и Светличный, составляем контрреволюционную организацию и судимы по общему делу. Дела ни она, ни кто-либо из нас, конечно, не знал, да и не мог знать, потому что его не было. Встреча была веселая, нам всем очень опротивела тюрьма...».

(Надія Суровцова. Спогади. Київ. Видавництво імені Олени Теліги. 1996, с. 262).

Чтобы восполнить Архангельский пробел «Воспоминаний» необходимо было исследовать архангельские архивы.

І. Письма из Архангельска

В двух киевских архивах сохранилось несколько писем и открыток Н. В. Суровцовой в Ленинград. Их адресат — Кира Ивановна Данилова (1884–1968 Москва).

Она их и сберегла.

«Сотни писем к Суровцовой были забраны ГПУ при аресте в Харькове в 1927-ом. Тысячи спалены на засланих в Архангельске. Неизвестно, сколько сожжено на Колыме и в Умани уже после возвращения на Украину. То, что сохранилось еще в государственных архивах передано туда и самой Надеждой Витальевной и иными способами».

(Леся Лукьянова. Слово від упорядника. // Суровцова Н. Листи. Кн. 1. Київ. Видавництво імені Олени Теліги, 2001, с. VII).

В 1997 году Леся прислала мне в Архангельск машинописный текст на русском языке этих архангельских писем Н. В. С.

1.

30.03.35./Архангельск/.

Милая, славная Кира Ивановна: Чуяло мое сердце, что у Вас неприятность — несколько раз порывалась писать, но решила выждать. Так, значит, не миновала буря и непогода тихое безупречное Ваше гнездо. Жаль и обидно за Вас и Вашу девочку. За ту свежую горечь первой боли, которую не забыть мне и теперь, почти через десять лет. Пусть все, на счастье, в миниатюре, воспроизводит пережитое, в основном, морально, тяжело то же самое: тебя считают чужой, тогда как ты отдаешь себя безраздельно. Тяжел первый удар, тяжелы последующие длинные дни и ночи, полные раздумья. Как болела душой мама! Ведь она — дочь крепостной. А я — член партии. Да, сложная эпоха, сложный переплет.

Много бы и долго хотелось говорить, но хочется поскорее отправить какое ни на есть письмо. Жаль, конечно, ужасно и Ваших летних планов, но, авось, что-нибудь из них еще уцелеет.

Где же теперь Ваша Танюша, куда она уехала? Сколько ей лет? Умеет ли она жить одна? Бедная, бедная девчурка...

О себе тоже ничего веселого написать не могу: даже мой стандартный оптимизм как-то притухнул — свое горе, невзгоды сносишь легче, а рассеянная вокруг скорбь и жуть других, почему-то угнетает больше. Сейчас, в основном, это безработица. Сходишь в бюро — нечто вроде биржи труда — посидишь, часок и начинает болеть сердце.

По-глупому, физически, вне всяких рассуждений и философствований. Увидишь чьи-нибудь слезы — и, здорово живешь, разреवेशься. И зло берет — теоретически же я соображаю бойко, а на практике не умею переносить чужих страданий. У самой нет оснований для усугубления меланхолии — ведь время катится, и с каждым деньком приближается — ну, конец, что ли, или начало? Как лучше назвать, не знаю. И вот я смогу уехать, (конечно, в лучшем случае, если все пойдет нормально) ну, в какую-нибудь Вологду, Чебоксары, Пинегу. Все равно, куда — но по своей воле. А вот только худо, что никуда не хочется. Упрощается вопрос тем, что муж¹ то где-нибудь будет к тому времени, вот туда и поеду. И даже чуточку занятно, снова не зная, где пойдет дальше жизнь.

А пока занята детишками, дошколятами. Языки, грамота. Хоть я и не специалист, и, вероятно, делаю это неумело, но на здешнем рынке таких, кажется, мало, а те еще хуже. Меня детишки любят, я их. В общем, конечно, для меня это еще хуже — потому, что любить чужих детей, не имея своих, тяжело. Тем более что своих то нет, не по своей воле, а «силой исторических событий». И не раз больно кольнет, когда обнимают детские ручонки, и заглядывают в душу (души то — нет?) такие всякие — синие, карие, разные глазенки.

Сегодня продолжаю утром, и как-то веселей: светит такое солнышко, что не устоять грусти. По-моему, я — явная солнцепоклонница. Я годами вставала летом в четыре часа, чтобы не пропустить момента, когда солнце покажется за Волгой. Но сугробы снегов лежат до крыши сараев. Так и в жизни. Солнце светит, но греет маловато. Ждем ледохода в конце апреля, у нас это грандиозное событие. А после этого начнутся белые ночи, пойдет арктическая мистика, смена северному сиянию. Гораздо удобнее, потому, что видно в любой момент. Городишко такой гамсуновский сделается, все начнут мечтать, бродить под березками по набережной. И начнутся закаты — бесподобные, невиданные, по-моему, нигде больше. Солнце — во! Шар громадный, красный, смешной, катается по горизонту, как щенок, а уйти не может. Все это будет. Остальное пройдет, а это останется: равнодушная природа, которая будет красую вечною сиять. Не беда — ведь этого-то у нас никто не отнимет.

¹ Дмитрий Олицкий и Надежда Суровцова познакомились в 1932 году в Ярославском политизоляторе. Их камеры были рядом. В 1935 году после изолятора Олицкий был сослан на три года в Архангельск. 12 ноября их брак был зарегистрирован в Архангельском ЗАГСе.

Потом у меня есть проблема одна — Вы упомянули о машинке. Не имеете ли Вы понятия, как высоко котируется такое орудие производства, новая на поллиста, дорожного типа, с чемоданчиком. Если случайно знаете, черкните мне. Хочу продать дома, но не имею понятия о цене. Собираю фонды на отъезд, а заработать не сумею, вероятно. Да и вообще, хочу продать, к чему мне. Уж раз не печатают, так и писать можно рукой, к чему роскошество, как во времена великолепия.

Пока, кончаю, собираюсь скоро еще написать, когда грусть совсем пройдет. Крепко обнимаю Вас обоих.

Архангельская дочка.

2.

24.06.35.

Очевидно, я уже абсолютно утратила дар красноречия, если все мои горячие убеждения пропадают втуне, и Вы шлете посылку за посылкой.

Поймите же, что этого нельзя делать: что я слишком достаточно работаю сама, чтобы не понимать, как должна Вас утомлять работа, так расточительно разбрасываемая потом в виде даров беспризорнице. Мир огромен, и количество таких «дочек» неисчерпаемо — не надо же, любимая, затыгиваться такой мере. Поверьте, мне живется совсем хорошо, и Ваше письмо уже высшая мера ласки, которую я могу себе позволить. А Вы... позволяй, не позволяй, неугомная какая-то, прости господи! Потом сидишь, пьешь чай, и совесть тебя угрызает, угрызает... Жуть!

Это часть первая. Вторая — спасибо за вести о машинке. Дальше: сказали, что она в очень хорошем состоянии (Уманские специалисты). Никаких бумажек на нее нет, т.к. я тогда была достаточно ответственным работником, чтобы в них нуждаться, а может тогда и не было их в природе. Конечно, в Киеве дороже — туда ее легко привезет кто-нибудь знакомый, если окажется, что можно продать. Тысячу дадут и в Умани, но этого мало — в прошлом году оказывается, цена была до 8, а я не знала. Хорошо бы тысячи 2–3. Очень хорошая, жаль расставаться, но... без этого не сдвинуться отсюда.

Часть третья: о причинах невыезда на лето. Да, конечно, я бы тоже так сделала. Но так жалко, жалко, что Вы ни чуточку не отдохнули — ведь в сентябре, когда сможет Геннадий Михайлович¹, Вам опять не вырваться...

¹ Данилов Геннадий Михайлович (1883–1939 Ленинград. Учитель, муж К. И. Даниловой).

И, наконец, часть четвертая — о бедной девочке, рыдающей в лесу. Это всего больнее. И жаль безгранично, и вспоминается столько горького — правда, в другой пропорции, но ведь сущность одна: отдать душу, а взамен... Теперь, когда уже столько мудренности, я могу с грустью улыбнуться и пожелать, чтобы этим и ограничилась доля Т. Но боль первая — всегда сильнее, и этого уже не изгладить. Нужно, чтобы она поняла очень, очень многое и тогда сохранила и свой энтузиазм и вновь обрела жизнерадостность. Но тяжелы и тернисты пути, которыми приходят к конечной просветленной мудрости, и жаль юных ножек, ощупью бродящих по колючим путаным тропинкам. Светлая головка, чистое сердце — найдут снова веру в жизнь, в людей, в себя. Жаль юности безоблачной, но так она станет крепче. По рецепту — так тяжелый млат... И на печке ей худо, бедняжке. В какую дыру закинула ее судьба — или сама выбрала что-нибудь неудачное? Я столько намучилась без квартиры, что чрезвычайно хорошо ее понимаю.

А затем мне страшно понравилось Ваше заключение: вот бы нашелся кто-нибудь, заглянул в глаза, оттуда — в душу, увидел бы все, и девочка снова бы ожила...

Мне было тридцать лет. Я не была девочкой, но была энтузиастом, пришедшим из Европы помогать строить социализм на зов его борцов. Меня постигло несколько более интенсивное мероприятие, и вот, бесконечными днями бессолнечных предварительных дней, дойдя до грани безумия, и получив, возможно вследствие этого, разрешение писать, я написала маленькую новеллу «Прозорит» (эта новелла, написанная в тюрьме — не сохранилась — Ю.Д.) о том, как в будущем изобрели аппарат, просвечивающий человеческие мысли. Где то на полюсе, в абсолютном чистом воздухе, построена громадная станция с массой лампочек, соединенных с людьми всего мира. Как только в каком-нибудь мозгу зарождается преступная мысль, лампочка сигнализирует бедствие, на станции принимают меры, и соответственный индивидуум помещается в санаторий, где его излечивают. Посредством этого же аппарата знают о гибели и опасности в море, о состоянии и в шахтах, и прочее. Исчезают тюрьмы, следствия, все становится ненужным, избегаются все ошибки — потому, что люди уже не предполагают, а знают, наверное, видят. Экономятся средства, страдания и прочее. Вот такую Уэллсовскую машину я выдумала на досуге. Этот рассказ, кажется, даже разрешили после возвратить маме.

Теперь я не знаю, что с ним, где он, т.к. мама умерла, пока я была «в санатории», еще довольно далекой пока от моей фантастики. И все же, через десятки лет почти, увидав и познав многое, гораздо большее, чем мне хотелось бы, я веру в возможность приблизительного осуществления моего безумного проекта. Хотелось бы, чтобы это было скорее... Поэтому я обрадовалась Вашему последнему абзацу, напомнившего мне мои мечты.

О себе сказать почти нечего. Работа, уроки есть, то больше, то меньше, но всегда (не сглазить бы!) достаточно, чтобы прожить. Устаю почему-то, и меня особенно огорчает сердце. У меня скромный невроз, и до сих пор нужны были тревожнения, чтобы я начинала его чувствовать. А последнее время почему-то выходит при полном спокойствии спать часто нельзя из-за сердца, и оно то бьется, то отстывает, то болит вне всяких норм. И я сержусь. Лечиться, конечно, бессмысленно. Считать, что я переутомляюсь, тоже нет никаких данных. Значит, приходится остановиться на формуле: укатали сивку крутые горки. Но как ни круты были горки, еще не хочется. В остальных отношениях физически чувствую себя прекрасно, но настроения радостного нет. Чего-то я вроде изверилась в своей звезде, что ли?

Стоят холода, дует ветер, часто штормы — недавно хоронили тонувших в море моряков — очень тяжелое произвели впечатление похороны, хоть я их и не видала лично. Погибло 52, нашли только 15, их опознали потом родные. Вообще я люблю море, но и боюсь его. Еще недавно все эти моряки ходили тут вот, по моей улице, и вот ураган, снег, и... Лета, значит, так и не будет, ведь в августе все равно уже начинаются утренники.

Ну вот. Теперь еще хочу послать свою рожницу, чтоб Вы посмотрели, что это за северная дочка. Снималась на днях — ведь скоро надо будет послать и мужу, хотя получилось, к сожалению, что-то этакое, скорбное. Не вздыхайте, но мне хочется поскорее «реваншироваться».

Кажется, все. Рада, что к Вам приехала подруга — я уже даже и представить себе не могу, как это быть с кем-нибудь близким! А скоро и я смогу посмотреть, как это. Пора кончать, надо же когда-нибудь и отправить письмо.

Крепко Вас обнимаю и люблю.

А все-таки посылок не надо же!!

3.

Почтовая открытка.

Ленинград, Международный проспект (ныне Московский проспект — Ю.Д.),
д. № 21, кв. № 48.

Кире Ивановне Даниловой.

31.07.35.

Милая роднушечка!

Получила Вашу открыточку, и рада, что Вы с друзьями снова. Только не переутомитесь, а то Вы же неутомимая ужасно! Очень рада, что Вы амнистировали мои прегрешения. Теперь у меня тоже чудесное настроение — после 7-ми месячного перерыва получила письмо от мужа, такое хорошее, что теперь хватит уже терпения до самой встречи — всего три месяца еще осталось. Главное — здоров и бодр, и мечтает о воле. Солнце тоже стало светить, стремясь наверстать потерянное время, и я ловлю его вовсю: сделали пляж, и мы перенесли «занятия» с малышами туда — очень хорошо им, а мне, хоть и утомительнее несколько, но зато солнца много.купаюсь, стала черная. Ездил раз по морошку, но закаялась — поехала без накомарника, считая, что «гнус» — это литературная экзотика! Они меня чуть не съели за 1—2 часа, и я позорно бежала от морошки, аллах с ней. Лес этот, правда, очень стильный — кочки под ногами, темень, гущина, потом брели по тундре — до чего сурово и безотраднo! То ли дело здешние речушки и сенокосы вокруг Двины — там варим картошку, чай, купаемся с ребятами. Кажется, извела уже все, и теперь хотелось бы закончить цикл. Авось!

Крепко Вас обоих целую и люблю.

4.

Открытка: «Все силы на посевную кампанию. За расширение посевных площадей. За вовлечение новых миллионов бедняцко-средняцких хозяйств в колхозы!».

/п. шт.: Архангельск 01.9 Ленинград 4.9.3514/

31.08.35.

Мои родненькие! Как живется? Здоровы ли? Или Кира Ивановна уже окончательно замоталась? Все-таки черкните открыточку. Вспоминаю Вас сейчас сузубо часто, т.к. как раз сейчас на моих «руках» одно ленинградское дитя, очутившееся волею... судеб здесь¹. Крупный

¹ Вероятно, Вадим Евгеньевич Лошкарев (см. список архангельских политссыльных — Ю. Д.).

ученый, беспомощный, как и полагается, и я в Вашей роли, родненькая. Помимо этого новостей никаких, скоро начнется работа, съедутся ребята с дач, а там полтора месяца, и посмотрим, чем же начать очередную новую жизненную главу.

Вот уже осень, и заморозки, и прозрачные солнечные дни с феерическими закатами. Северная сказка (впрочем, из категории довольно таки страшных) приходит к концу. Мысли у меня и жизнь теперь какие-то растрепанные, не могу сосредоточить внимания, и живу бестолково. Ну, да уж все равно.

Как Танюша Ваша? Как экзамены Нины? Уехала ли уже Ваша подружка? Вообще, нужно же мне знать о Вас? У меня все по-старому, только умерла почему-то тетка одна в Одессе, но я ее не видала лет 20 уже. Так и не увижу. Но я то — жива! Крепко, крепко целую. Ваша дочка.

5.

01.12.35.

Милая, родненькая!

В этот день мне хочется крепко, крепко обнять Вас, или хотя сказать об этом. Вот и все — от северной дочки.

6.

21.03.36.

Милая, золотенькая Кира Ивановна! Целую вечность не писала Вам как следует, а от Вас получила целых два чудесных письма, да еще открыточку. Пороть меня некому! (так говорят местные грубонравные туземцы). Во-первых, ужасно рада, что ножик дошел и пришелся по вкусу — тут так мало чего-либо удобоваримого, что выбрать очень трудно. Вот если б Вам живого оленьиша послать, например, это я понимаю! Смотрю я мысленно на Вашу жизнь, и удивляюсь: ну как у Вас хватает на это все сил? Не моральных, а вот просто физических? Я работаю несравненно меньше Вас, дома уже ничего не делаю, все Дима, а и то иногда устаю, а Вы какая-то прямо показательная!

Жили мы это время в основном в поисках комнаты: перспективы возникали и рушились одна за другой, и мы свободное время посвящали либо дипломатическим переговорам, либо оплакиванию нереализованных мечтаний. А у Димы еще своя специфика — поиски работы. Это, так сказать, область анекдотическая — идет, все в восторге, ряд возможностей: узнают, что ссыльный — «фх», и история начинается

сначала в другом учреждении. Так, что ему приходится, подобно мне, заниматься уроками. Ах, многому научила меня ссылка — если б Вы знали, как много Щедринаского на свете! Но это письменному изложению мало поддается, выйдет, скажем, бледно, — а в личном изображении когда-нибудь. Настроение у нас перманентно сияющее, и чем дальше, тем веселее чего-то. Вероятно от солнышка — дни длиннеют явно, полоса сумерная позади, и хоть морозище, вьюга и снег, а все-таки знаем, что кончается зима. Ледоход ждут в половине мая, значит, к июню от снега все очистится. Ну, так вот, самое же главное: комнату то нашли ведь! Не сглазить бы, но должны переехать после Пасхи, когда уезжает теперешний жилец, один ссыльный московский профессор. Комнатушка мечта! Может она и ничего особенного, но мы, мечтая о воле, почему-то выдумали себе именно такую, и сколько было на эту тему бесед (а стенка толстая, надзиратели же рады, стучали все по ночам больше). И вдруг теперь выходит, точно такая: на окраинной улочке, на вышке маленького бревенчатого домика, низенькая — рукой Дима достает потолок (но он ужасно длинный), три окошечка в садик из берез, отдельно от всего. Устрою я в нем такое, что жуть! Будет мансарда из романа. И может еще нас, и обманут, а мы мечтаем во всю, как что расставить, что сделать. Летом посадим цветы в садике. А хозяйка — ужасно смешно — бестужевка.¹ И как раз моего поступления, только естественница. На комнату были всякие другие кандидаты, но когда я выяснила это, немедленно все отпали, а мы с час не умолкали, вспоминали, где какая аудитория, где буфет, какой Булич, а какая библиотекарьша, и только потом — о комнате. Ясно, что такой лирики не добыть, и потому мы прочно намечены в преемники теперешнего профессора. У него мы покупаем его табуретки всякие и прочие предметы, часть мебели дает она, и, в общем, должно получиться что-то невообразимо-очаровательное. Вдобавок этот район очень близок к моим основным урокам, так что мне рукой подать.

Были на Платоне Кречете, но от исполнения, что ли, а только все театральные походы чрезвычайно неудовлетворительны. Вот летом придет из Ленинграда опера (ученики), тогда походим. Концерты слушаем по радио, а в новой комнате есть даже громкоговоритель, и транслируют Европу. Вот заживем! Печка в комнате, у меня есть

¹ Карцева Катерина Леонидовна. Адрес — Олонецкая, 23—1. Здесь и была арестована Надежда Суровцова (ноябрь 1936). В апреле 1937-го здесь же был арестован Дмитрий Олицкий. Дом не сохранился.

самоваришко инвалидный, да всякие электрические предметы — ну не быть, а рай земной. Все мечтаю. Бегу с уроков, и мечтаю Ночью проснусь — мечтаю. Господи, не будет волчка, не будет надзирателя, не будет кухни, угловых жильцов, квартирной хозяйки — одни себе будем, сами по себе, хозяева в своей комнатухе. И можно будет что-то расставлять, устраивать — ух!! Ну, захвасталась! Может еще и не выйдет, почему-нибудь еще. И ведь вот комизм, какой — есть чему радоваться, тоже Рио-де-Жанейро выискали! До чего все в жизни относительно...

Все-таки считаю дни до переезда, словно в былое время.

Мне ужасно понравился Вас рассказ о сынишке Наты и бабушке — что «ты же меня уже целовал». Чудесно! Вообще мне теперь с детворой приходится много иметь дело, и порой очень они занятые. А раньше как-то не замечалось в жизни их.

Дима ругает меня, что я так долго Вам не писала, а меня эти все переживания так «заморочили», что страх. А потом еще читаем мы тоже глупым запоем: времени нет, вот немногие часики и уцепишься за книгу, а там обернуться не успел, уж совсем ночь, не поспишь, днем осоловелая, с уроками, не годится.

Так и летят дни. Боже мой, как молниеносно идет жизнь! Хорошо, что идет, а не «проходит», как было раньше.

Кира Ивановна, миленькая, вот бы Вас повидать, поболтать! И от чего телевидение еще не сделано у нас, а то б поговорить, и чудесно. Лет через двадцать, тридцать будут же люди, а нам вот еще нельзя.

Ну, пора кончать. Крепко, крепко Вас целую, и не сердитесь, что я такая негодница, не писала — я ж Вас очень люблю, а это от бестолковости. Дима шлет привет Вам и Г. М. Ваша «дочка».

Адрес старый, если переедем, передадут.

II. Арест и «следствие».

Суровцова и Олицкий недолго жили на Олонецкой, 23. Семь месяцев...

В архиве регионального управления ФСБ по Архангельской области сохранилось трехтомное дело «Украинской контрреволюционной националистической группы в Архангельске».

Леся просила: «Перепишите, как можно больше»

В «Справке на согласование ареста» (П. Христюка) сообщается:

«УГБ НКВД по Северному краю располагает данными, что отбывающий ссылку в г. Архангельске украинский контрреволюционер-националист, бывший министр внутренних дел Украинской народной республики Христюк Павел Аникиевич продолжает нелегальную контрреволюционную деятельность. Совместно с украинским контрреволюционером-националистом Филипповичем Евгением и другими группирует вокруг себя украинский контрреволюционный элемент и ведет работу по налаживанию связи с контрреволюционным подпольем. На основании вышеизложенного: Христюк Павел Аникиевич, рожд. 1890, уроженец Кубани, бывший член ЦК УПСР и бывший министр внутренних дел УНР, в 1919 г. вместе с остатками петлюровского правительства бежал в Польшу, откуда в 1923 г. вернулся в УССР, в 1932 г. как активный участник контрреволюционной организации УНЦ осужден к пяти годам заключения в ИТЛ. По окончании срока в 1936 г. выслан в Северный край на три года. Работает экономистом Треста ресторанов и кафе. Проживает: Архангельск, Комсомольская ул., дом № 11. Подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности».

По этому «делу» привлечено, помимо Христюка, еще 6 человек:

1. Упомянутый Филиппович Евгений Федорович, 1889 г.р., уроженец села Стенховка Васильковского района Киевской области. Был в 1932 г. осужден на пять лет ИТЛ по делу УНЦ. После отбытия срока проживал в Архангельске.

2. Его брат Филиппович Николай Федорович, также осужденный по делу УНЦ.

3. Оленченко Петр Ефимович, 7898 г.р., уроженец г. Гадяч Харьковской области (ныне Полтавская область — Ю. Д.), литератор. В 1933 г. по решению тройки ГПУ УССР на три года сослан в Северный край, проживал в Архангельске.

4. Цапенко Петр Иванович, 1987 г.р., уроженец села Беянка Харьковской области. Скрылся из Харькова, находился в розыске.

5. Яковлева Александра Павловна, жена П.Е. Оленченко, 1902 г.р. Работала машинисткой в редакции газеты «Правда Севера».

6. Суровцова-Олицкая Надежда Витальевна, 1896 г.р.

Кроме того, были выделены в особое производство дела на «украинского националиста» Степаненко Аркадия Степановича, анархистку Цойрифу Дину Исаковну, «троцкистку» Певзнер Зальму Марковну и некоторых других.

Еще одна справка.

ПРОКУРОРУ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Тов. М О Н И Ч.

С П Р А В К А

на согласование ареста ОЛИЦКОЙ (СУРОВЦЕВОЙ)

Надежды Витальевны

УГБУНКВД по СК располагает данными, что отбывшая ссылку в гор. Архангельске украинская к-р. националистка ОЛИЦКАЯ (СУРОВЦОВА) Надежда Витальевна, совместно с активными к-р. националистами ФИЛИПОВИЧЕМ Евгением и др. ведет нелегальную контрреволюционную деятельность.

В течение 1936 года ОЛИЦКАЯ (СУРОВЦЕВА) неоднократно в к-р. националистическом духе дискредитировала членов Сов. Правительства. Высказывалась за отделение Украины от Советского Союза и ведет в этом направлении к-р. работу; распространяла клевету на руководство партии и Сов. Правительства, вела работу по налаживанию связей с к-р. националистическим подпольем, а также поддерживала связь со ссыльными троцкистами и оказывала им материальную помощь.

На основании вышеизложенного —

ОЛИЦКАЯ (СУРОВЦОВА) Надежда Витальевна — рождения 1894 г., уроженка г. Киева, бывш. Член ВКП (б), в 1928 г. Постановлением Коллегии бывш. ОГПУ по ст. 58 п. 4 и п. 6 заключена в Ярославский политизолятор на 5 лет, по окончании срока выслана в Сев. край на 3 года. Срок ссылки окончила, осталась в Архангельске, работает сотрудницей Краевого музея и проживает по Олонецкой дом № 23 кв. 1 —

ПОДЛЕЖИТ АРЕСТУ и привлечению к уголовной ответственности по ст. ст. 58 п. 10 ч. 1 и 58 п. 11 УК РСФСР.

Нач. 1 Отд. СПО УГБ СК —

Мл. лейтенант Гос. Безопасности

(ВОЛЬФСОН)

УТВЕРЖДАЮ: НАЧ. СПО УГБ СК —

Капитан Гос. Безопасности

(САЕНКО)

«3» ноября 1936 г.

АРЕСТ СОГЛАСОВАН: Севкрайпрокурор

(МОНИЧ)

В тот же день, 3 ноября 1936 года Суровцову арестовали. При обыске присутствовали А.М. Карцева и Д.Л. Олицкий.

Первый краткий допрос состоялся 4 ноября. Вел его младший лейтенант ГБ Минюков.

ВОПРОС: Расскажите о Вашей контрреволюционной деятельности в Архангельске?

ОТВЕТ: Контрреволюционной деятельностью за время пребывания в Архангельске не занималась.

Второй допрос. 11 ноября 1936 года.

ОТВЕТ: За время моего пребывания в Архангельске, т.е. с начала 1933 года я была связана с высланными троцкистами:

Виран

Розенгауз

Певзнер Зельма

Зайцев (ее муж)

Квачадзе

Лангер

Качарава

Михелевич

И Палатников

Михелевич из Никольска просил купить ему краски.

НКВД придавал большое значение делу украинцев, арестованных в Архангельске. Об этом говорит, в частности, распоряжение из Москвы.

«20 ноября 1936 г.

г. Архангельск. УНКВД, ст. майору госбезопасности тов. Аустрину.

Следствию по ликвидированной группе ссыльных украинских националистов, организованно связанных с разрабатываемыми на Украине националистами, в связи с имеющимся у вас данными о террористических намерениях участников группы придаем особое значение. Указанное дело заслуживает самой тщательной и серьезной следственной работы над арестованными, особенно над Христюком и братьями Филипповичами <...>. По имеющимся у нас агентурным данным, в Харькове существует нелегальный комитет помощи заключенным украинцам, и в состав этого комитета входят украинские

писатели Панч¹, Аркадий Любченко и другие, а также артисты Театра им. Шевченко Чистякова и др. <...>».

Примечательно, что начинается изложение сути дела с «террористических намерений», а заканчивается фактом взаимопомощи людей, попавших в беду.

Главному обвиняемому по этому делу П. А. Христюку в обвинение ставится не только его прошлая политическая деятельность, но и его труды по истории. Один из «свидетелей» по делу, Федчишин Степан Васильевич, 1899 г. р., уроженец Галиции, имевший высшее педагогическое образование, отбывший три года (1933–36) в лагерях и теперь безработный в г. Архангельске, показал на допросе:

«Коснувшись своего пребывания за границей в эмиграции в Вене, Христюк мне рассказал, что оригиналы документов архивов Центральной Рады и других украинских национальных «правительств» он передал на хранение в Вене «верным людям» в Украинском социологическом институте...». Сам подследственный на допросах поясняет, что Христюк, будучи за границей в Вене в 1920–23 гг., написал работу в шести томах под названием «Заметки и материалы к истории революции на Украине», отдал эту работу директору Украинского социологического института в Вене М. Грушевскому, и этот институт напечатал 4 тома еще во время пребывания автора в Вене».

Отметим кстати, что работа Христюка «Социально-политические взгляды украинского писателя Франко» вышла в Харьковском издательстве «Рух» уже после ареста автора под редакцией заведующего «Руха» Беленького, впоследствии арестованного и осужденного по делу М. Скрыпника.

Третий допрос. 15 декабря 1936 года.

ОТВЕТ: В 1934 году я три месяца работала в типографии корректором. Познакомилась там с анархистом Уйтенхофеном. Он — технический корректор в ОГИЗе.

Четвертый допрос. 21 декабря 1936 года.

ОТВЕТ: Житницкий Иван Иванович приехал в Архангельск в сентябре сего года от музея народов СССР (Москва), где он старший научный сотрудник, в командировку. Я его не знала, но слышала в детстве от родителей, что он мой далекий родственник. Он пришел к нам в музей. В разговоре я узнала, что его мать — сестра моей бабушки по отцу. Я устроила его в том же доме, где сама живу — Олонецкая,

¹ Панч (Панченко) Петр Осипович (1891–1978 Киев).

23. Он уехал в Москву 3 ноября. Здесь собрал материалы по этнографии народов Севера — меховые изделия ненцев, холмогорскую резьбу по кости.

В музее Революции интересовался партизанским движением и увез копии планов фронтов. Он пишет книгу о Севере и там есть глава об экономике края. Его интересовал Сульфатстрой. Я ездила к замначальника строительства Онишину¹ за материалами о Сульфатстрое, т.к. в музее были экспонаты строительства, но без пополнений. Онишин три с половиной часа объяснял мне процесс производства и показал завод. Я подробно описала все, что говорил и показывал Онишин, и отдала отпечатать 4 экземпляра.

Один — Житницкому, два в музей — директору Лукину (хорошо бы этот отчет найти. Не так ли? Это мой вопрос директору нынешнему — Ю. Д.), подлинник — себе. С Житницким я ездила на Сульфатстрой. В тот же день на лесозавод Молотова. Вернее до Сульфатстроя, тоже по заданию музея.

Технический директор целый час показывал нам завод. Житницкий ходил и по другим учреждениям. Я поступила на работу в Музей в мае.

Весной 1935 года я помогла устроиться на квартиру Христюку. Знаю его с 1917 года. Он был ответственным работником при правительстве Центральной Рады.

Осенью 1935 года устроила на квартиру ссыльного Лошкарева, доктора-физика, профессора в Мединституте. Его я не знала вовсе. Он пришел ко мне по рекомендации матери одного из моих учеников — Толмачевой.

В мае-июне устроила на освобожденную мной квартиру ссыльного скрипача Познанского, троцкиста (точно не знаю). Его я вовсе не знала. Кто его прислал ко мне не помню.

В 1935 году в доме, где живу, устроила ссыльного троцкиста Лангера. Кто его послал ко мне не знаю. Но очевидно, один из моих знакомых.

Из других видов помощи я лишь один раз оказала материальную поддержку, заключенному в Соловках Г. Г. Петренко². Он осужден по одному делу со мной к 10 годам. Из них в Ярославском политизоля-

1 Оншин Иван Семенович (г.р. 1904 г. Архангельск). Расстрелян в 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

2 Петренко Григорий Григорьевич (1890 Полтавская губ. — 1952 Чарджоу. Туркмения) Умер в ссылке.

торе отбыл пять лет. Я с ним переписывалась. Об оказании помощи он просил в августе 1936 года.

Оказание помощи ссыльным не считаю актом нелояльности к Советской власти.

На допросах Н. В. С. не отрицала свою «помощь политссыльным». Что еще? Доносы. Одна из сотрудниц типографии имени Склепина показала:

«Суровцова работала со мной в типографии корректором. В конце декабря 1934 года она сказала, что «22 декабря самый темный день, день рождения Сталина. Мы сидели каждый у своего рабочего стола. Суровцова сидела у окна. Через несколько дней я рассказала об этом на закрытом партийном собрании. Был вопрос о бдительности в связи с убийством товарища Кирова и я заявила о контрреволюционных высказываниях Суровцовой. Вскоре Суровцову уволили».

Свидетельница Варвара Маслюченко, знаменитая украинская актриса: *«Разговоров националистического характера Суровцова со мной не вела, но из общения с ней я пришла к выводу, что она положительно относится к националистическому движению. К такому выводу я пришла из ее рассказов о пребывании за границей и просьбе спеть Петлюровский гимн «Ще не вмерла Украина»¹. Это было по приезде ее мужа Олицкого примерно в ноябре месяце 1935-го».*

1 Автор национального и ныне государственного гимна Украины «Ще не вмерла України і слава, і воля» (1862) Павел Платонович Чубинский в 1862—1869 гг. отбывал политическую ссылку в Архангельске. По свидетельству Болеслава Лимановского (1835—1935) текст будущего гимна Украины Чубинский написал в Архангельске. Затем с помощью Лимановского эти стихи были переправлены на Украину и впервые были опубликованы во Львовском журнале «Мета» (1863. №4) за подписью — «Шевченко». Постепенно эта песня стала народным песенным символом борьбы украинцев за независимость своей родины. Она не только «Петлюровский гимн», но и гимн героев Украинской повстанческой армии, сражавшейся с энкаведистами после разгрома Гитлера. С этой песней восстали в «последний сталинский год» узники заполярных норильских лагерей, в основном украинцы. Об этом крупнейшем концлагерном восстании не имел, по его словам, материалов даже Солженицын, когда писал «Архипелаг ГУЛАГ». Этот гимн звучал на Киевском Майдане в дни и недели мирной «оранжевой революции», ноября — декабря 2004 года.

Пятый допрос публикуется целиком

ПРОТОКОЛ

Допроса обвиняемой ОЛИЦКОЙ (СУРОВЦЕВОЙ)

Надежды Витальевны

от 27 января 1937 года

ВОПРОС — Находясь в Архангельске, с кем из украинских к-р. националистов

Вы поддерживали связь?

ОТВЕТ — За время моего пребывания в г. Архангельске я политической связи с украинскими националистами не поддерживала, а знакомство я имела со СТЕПАНЕНКО Аркадием Степановичем, братьями ФИЛИППОВИЧАМИ Евгением и Николаем, ПЕТРЕНКО Назаром и ХРИСТЮКОМ Павлом. Являются ли они украинскими националистами мне неизвестно.

ВОПРОС — Когда и при каких обстоятельствах Вы связались с перечисленной группой украинских националистов?

ОТВЕТ — Через некоторое время после приезда в ссылку в г. Архангельск, я узнала не помню от кого, что здесь отбывает ссылку СТЕПАНЕНКО А. С., которого я знала в прошлом, как украинского эсера. Узнав где он служит, я пошла к нему на службу в контору Заготлен и там с ним встретилась. После этого я встречалась с ним периодически до последнего времени, он бывал у меня на квартире и я у него. В конце 1934 года или начале 1935 года я познакомилась, не помню через кого, с ФИЛИППОВИЧЕМ Николаем, с которым у меня все время было лишь шапочное знакомство. Осенью 1934 года ко мне на квартиру зашел по приезде в Архангельск ФИЛИППОВИЧ Евгений, адрес мой он, по-видимому, взял у своего брата Николая, с того времени он изредка захаживал ко мне. ФИЛИППОВИЧА Евгения я знала с 1916 года как украинского деятеля. В том же 1935 году я познакомилась с ПЕТРЕНКО Назаром через его жену Анну, которая работала совместно со мной в типографии им. Склепина и до последнего времени я поддерживала связь с ним и его семьей. С ХРИСТЮКОМ Павлом я впервые встретилась в Архангельске весной или летом 1935 года, он пришел ко мне на квартиру с просьбой помочь ему найти квартиру и если можно работу. После этого ХРИСТЮК был у меня два-три раза. ХРИСТЮКА П. я знаю с 1916 или 1917 г., как украинского эсера.

ВОПРОС — Что сообщил Вам ФИЛИППОВИЧ Евгений при встречах с ним о себе и о положении украинских националистов?

ОТВЕТ — По приезде в Архангельск, ФИЛИППОВИЧ Евгений при встрече со мной сообщил, что он окончил срок заключения в лагерях и приехал сюда на жительство. Он интересовался жизнью в Архангельске в бытовом отношении, на эту тему мы вели беседу. О положении украинских националистов у меня с ФИЛИППОВИЧЕМ Е. при всех встречах разговоров не было.

ВОПРОС — Дайте показания о Ваших встречах с ФИЛИППОВИЧЕМ Евгением за границей?

ОТВЕТ — Кажется в 1919 году я видела ФИЛИППОВИЧА Евгения в Вене. Я тогда проживала в Вене и училась там, в Университете, а он приезжал в командировку, но встреч с ним не имела. Где я его видела я сейчас не помню.

ВОПРОС — Что сообщил Вам ФИЛИППОВИЧ Евгений при встречах в Архангельске о положении украинских к-р. националистических организациях за границей?

ОТВЕТ — На эту тему мы никогда разговоров не вели.

ВОПРОС — Какую информацию сделал Вам при встрече в Архангельске ХРИСТЮК Павел?

ОТВЕТ — ХРИСТЮК Павел при встрече со мной сообщил, что он, будучи в лагере встречался с ПЕТРЕНКО Григорием Григорьевичем и об условиях жизни в лагере его и ПЕТРЕНКО. Возможно, он рассказал еще о КУРБАСЕ — бывшем дирижере Харьковского театра, которого я знала в прошлом, как украинского деятеля искусства.

ВОПРОС — Почему информировал Вас ХРИСТЮК П. о положении в лагере ПЕТРЕНКО Г.Г.?

ОТВЕТ — Сообщил он мне о положении ПЕТРЕНКО Г.Г. потому, что он проживал с ним вместе с лагере и знал, что ПЕТРЕНКО Г.Г. мой хороший знакомый.

ВОПРОС — Кто такой ПЕТРЕНКО Г.Г.?

ОТВЕТ — ПЕТРЕНКО Г.Г. — это бывший работник Наркоминдела в Харькове, знакома я с ним с 1925 года. В 1927 году мы были арестованы по одному делу в Харькове и отбывали наказание в течение 3-х лет в Ярославском политизоляторе. Привлекался он по обвинению в шпионаже, но о шпионской деятельности его мне лично ничего неизвестно.

ВОПРОС — Что передал Вам ХРИСТЮК от ПЕТРЕНКО о налаживании связей с к-р. подпольем?

ОТВЕТ — На эту тему у меня с ХРИСТЮКОМ П. бесед не было и от ПЕТРЕНКО Г.Г. он мне в этой части ничего не передавал.

ВОПРОС — С кем из украинцев Вы были знакомы и поддерживали связь в г. Архангельске?

ОТВЕТ — Всех украинцев, с которыми я была знакома и поддерживала связь я уже перечислила, дополнить к этому у меня нечего.

ВОПРОС — А с МАСЛЮЧЕНКО Вы связь поддерживали?

ОТВЕТ — С МАСЛЮЧЕНКО Варварой я действительно знакома с октября 1935 года и она бывала у меня неоднократно.

ВОПРОС — Кто такая МАСЛЮЧЕНКО Варвара?

ОТВЕТ — МАСЛЮЧЕНКО Варвара является женой Остапа ВИШНИ, украинского писателя, который отбывает наказание в лагере на Печоре, она украинская артистка.

ВОПРОС — Каким путем и через кого Вы связались в Архангельске с МАСЛЮЧЕНКО Варварой?

ОТВЕТ — В октябре месяце 1935 года ФИЛИППОВИЧ Евгений пришел ко мне на квартиру вместе с МАСЛЮЧЕНКО Варварой, я до этого с ней знакома не была. Из разговоров с МАСЛЮЧЕНКО я узнала, что она является женой Остапа ВИШНИ.

ВОПРОС — Какую информацию Вам сделала МАСЛЮЧЕНКО Варвара о положении украинских националистов в лагере?

ОТВЕТ — МАСЛЮЧЕНКО Варвара сообщила, что она приехала из лагеря, где виделась со своим мужем Остапом ВИШНЕЙ и о его жизни в лагере. О других украинских националистах она мне ничего не сообщила.

ВОПРОС — Вы даете ложные показания. С МАСЛЮЧЕНКО Вы неоднократно имели беседы о положении украинских националистов, как в лагере, так и на Украине. Дайте правдивые показания о характере этих бесед.

ОТВЕТ — Я это категорически отрицаю. Никаких разговоров на политические темы я с МАСЛЮЧЕНКО Варварой не имела.

ВОПРОС — Вы также вели неоднократно беседы контрреволюционного характера со СТЕПАНЕНКО, ПЕТРЕНКО, ФИЛИППОВИЧЕМ и другими украинскими националистами. Намерены ли Вы дать по этому вопросу правдивые показания следствию?

ОТВЕТ — Я это категорически отрицаю, никогда я разговоров контрреволюционного характера с вышеперечисленными лицами и вообще ни с кем не вела.

ВОПРОС — За время Вашего пребывания в Архангельске с кем из лиц, проживающих в Киеве Вы поддерживали связь?

ОТВЕТ — За период моего пребывания в Архангельске я поддерживала письменную связь с двоюродными сестрами Верой ГУСЕВОЙ и Ларисой ГРУЗДЕВОЙ, также один раз написала моей знакомой по работе в кинотресте Нине КУЧМА, проживающей в Киеве. Помимо них я с лицами, проживающими в Киеве ни с кем никаких связей не имела. Переписка с ГУСЕВОЙ, ГРУЗДЕВОЙ и КУЧМА носила исключительно семейный характер.

ВОПРОС — Вы назвали не все фамилии, с которыми Вы поддерживали связь в Киеве за период Вашего пребывания в Архангельске. В каких целях Вы скрываете их от следствия?

ОТВЕТ — Я назвала всех лиц, проживающих в Киеве, с которыми я поддерживала связь за период моего нахождения в Архангельске и от следствия никого не скрала.

ВОПРОС — С кем из адм. ссыльных «правых» Вы поддерживали связь в Архангельске?

ОТВЕТ — Была знакома с адм. ссыльными «правыми» САМОЙЛОВЫМ и ЗИНЧЕНКО Николаем. Политических связей с ними не имела.

ВОПРОС — На какой политической платформе Вы сошлись в Архангельске с троцкистами и «правыми»?

ОТВЕТ — Никаких политических взаимоотношений ни с троцкистами, ни с «правыми» у меня не было.

ВОПРОС — В каких целях Вы установили и поддерживали систематические связи в Архангельске с адм. ссыльными троцкистами и «правыми», по чьему заданию Вы это делали?

ОТВЕТ — Повторяю, что политических связей, как с троцкистами, так и с «правыми» у меня не было и ни от кого заданий об установлении с ними связи я не получала. Мое знакомство с ними было исключительно на бытовой почве.

ВОПРОС — Вы все время даете лживые показания. С адм. ссыльными троцкистами и «правыми», с которыми Вы поддерживали связь в Архангельске, Вы неоднократно обсуждали в контрреволюционном духе вопросы политики Сов. власти, значит, у Вас была с ними политическая связь. По чьему заданию Вы эти связи поддерживали?

ОТВЕТ — Я это категорически отрицаю, за бытность мою в Архангельске, я как с троцкистами, так и с «правыми» никогда разговоров на политические темы не вела.

ВОПРОС — Как реагировали украинские националисты СТЕПАНЕНКО, ФИЛИППОВИЧ и другие на Ваши взаимоотношения с троцкистами и «правыми»?

ОТВЕТ — На эту тему я ни со СТЕПАНЕНКО, ни с другими не разговаривала.

*Записано с моих слов верно
и мною прочитано, в чем и расписуюсь.
Н. Олицкая.*

*Допрашивал — Нач. 1 Отд. СПО УГБ СК
Мл. Лейтенант Гос. Безопасности*

(ВЛСН)

Шестой допрос. 31 января 1937 года.

ОТВЕТ — Я знала в Архангельске ссыльных эсеров.

1. Христюк

2. Степаненко

*3. Плеханов — экономист Архангельской конторы Хлебосбыта.
Познакомились в конце 1933 года.*

4. Камков

5. Ростик

С левым эсером КАМКОВЫМ сидели вместе в Ярославском политизоляторе.

Его жена — Евгения. Своего мужа ОЛИЦКОГО я познакомила с КАМКОВЫМ.

<>

ВОПРОС — В связи с чем троцкист РОЗЕНГАУЗ расспрашивал Вас о ЛИСЯНСКОЙ и ЗЕЛЬДИНЕ¹?

ОТВЕТ — С РОСТИКОМ меня познакомила ПЕВЗНЕР. Она дала мне билет в театр и сказала, что рядом будет сидеть РОСТИК. Он где-то — бухгалтер.

Седьмой допрос. 2 февраля 1937 года.

ОТВЕТ — В 1934 году у меня на квартире были моя сослуживица ПОТАПОВА Зинаида Михайловна. Лично ПРИХОДЬКОЯ не знала. Он был полпредом в Праге, а затем наркомом или замнаркома в УССР. Евгений Филиппович однажды в хлебном магазине спросил меня — слышала ли я о его предстоящем приезде в Архангельск.

¹ Кто такие Лисянская и Зельдин установить не удалось.

Восьмой допрос. Последний. 4 февраля 1937 года.

◇

ОТВЕТ — Нет. Виновной себя не признаю, никакой контрреволюционной деятельности я за период моего пребывания в Архангельске не вела. С ссыльными троцкистами, «правыми» эсерами и украинскими националистами я была только знакома, и знакомство это носило только бытовой характер.

В «деле» сохранились подлинные, написанные рукой Н. В. С. заявления. Вот одно из них:

*Москва, Особое совещание НКВД СССР
от Надии Витальевны Олицкой.*

Сегодня мне было объявлено об окончании моего дела и направлении его на рассмотрение Особого совещания. Еще раз подтверждаю свою невиновность в заявленном мне обвинении в к-р. связи с архангельскими ссыльными различных группировок. Все мои знакомства носили исключительно бытовой характер, я их не искала, вызваны они были трудными личными условиями в первое время приезда в ссылку (отсутствием комнаты 1¹/₂ года, освоением новой непривычной работы), а также встречами по местам работы и регистрации.

Я приехала сильно надломленная физически — единственным желанием было — дожить до встречи с мужем.

С течением времени встречи и отношения с посторонними лицами становились все реже и дальше, а с приездом мужа свелись до очень узкого круга, изредка посещением семей.

Моя жизнь за все время ссылки в Архангельске была абсолютно лояльной и посвящена исключительно семье и работе. По окончании срока я осталась в Архангельске, так как здесь отбывает свой срок ссылки мой муж — Д. Л. Олицкий, кроме которого у меня нет никого на свете.

*Н. Олицкая.
г. Архангельск, 5 февраля 1937 года.*

Только 3 сентября 1937 года ОСО НКВД СССР вынесло приговор по делу «Украинской контрреволюционной группы в Архангельске».

Христюк и Евгений Филипповичи — 8 лет лагерей.

Олицкая, Николай Филиппович, А. П. Яковлева, П. Е. Оленченко, П. И. Цапенко — 5 лет лагерей...

И «загудел ледокол «Москва»... и повезли их в Магадан...
А. П. Яковлева (Оленченко) умерла 11.10.39 в бухте Нагаево.
П. О. Христюк умер там же 29.09.41.

В 1938 году Кира Ивановна Данилова в Ленинграде на Международном проспекте получила весточку от своей «архангельской дочки». Черным карандашом на клочке в четверть листа с двух сторон было написано:

15.08.38. Владивосток. Транзитная командировка Севвостлаг, 3 рота 5 барак. Моя дорогая и очень далекая! Я жива и угодила вон куда. Отсюда, кажется, следую в Кольму. Когда доеду, напишу. Ответить можно сюда, никаких посылок нельзя и не надо, я жива, здорова, как всегда жизнерадостна. Жадно люблюсь на тихоокеанский залив, сопки, солнце, изумительной красоты луну. Очень хочется, чтоб Вы не думали, что меня нет, и тлеет надеждочка узнать, где же Дима. Он был в Архангельской тюрьме еще в январе 38г. Если бы Вы намекнули квартирной хозяйке Екатерине Леонидовне Карцевой, Олонецкая, 23 – что с нашими вещами, и попросили похранить их (я писала ей с пути, не уверена, дошло ли). Когда доеду на место, напишу ей, но пока хоть это. Я вообще вернусь к жизни через 5 лет, считая с ноября 36г. Жизнь прекрасна, хочу дожить до встречи с Димушкой, и доживу. Крепко обнимаю, люблю и прошу простить, что пишу.

Надия Олицкая.

Она писала эти строки и не могла знать, что Дмитрий Олицкий уже больше года как расстрелян в Архангельске...

III. Дмитрий Олицкий.

Надия Олицкая так никогда и не узнала о судьбе своего Димушки.

В апреле 1989 года Лесе Лукьяновой в киевском КГБ в устной форме сообщили о судьбе Д. Л. Олицкого — расстрелян. По ее же заявлению Дмитрий Олицкий был реабилитирован архангельской прокуратурой 10 марта 1989 года. Об этом Лесе тоже было сообщено. «Где похоронен Дмитрий Олицкий?» — спросила Леся. «В то время места захоронений осужденных к расстрелу не фиксировались. Могилу установить невозможно» — ответили ей. Мест захоронений расстрелянных в Архангельской области много: Лявля, Вайново, Мхи... В какую из этих многочисленных безымянных могил оказалось брошено тело Д. Л. Олицкого? Когда-нибудь придет ответ и на этот вопрос.

Уголовное дело «По обвинению Олицкого Дмитрия Львовича...» было начато 14 апреля 1937 года. Закончено 29 октября 1937 года. В «деле» — 42 листа. Есть в нем пустой конверт с надписью «фотографии». Уверен, что и фотографии «найдутся». В конце «дела» еще два пакета. Оба пустые... Письма? Изъяли перед выдачей «дела» мне? «Ордер» на арест — 13 апреля 1937 года. Олонецкая, 23–1. Изъято при обыске:

Бухарин. Теория исторического материализма.

Вандервельде. Социализм и искусство.

Бухарин. Диктатура пролетариата (на украинском языке).

Книги Ото Бауэра (на немецком языке).

Первый допрос. 28 апреля.

Олицкий был одним из многих арестованных по «делу Камкова Бориса Давидовича...». «Следствие» буксовало, не успевая допрашивать арестовываемых, продлевать срок «следствия»...

«УТВЕРЖДАЮ»

Нач. Управ. НКВД по Севобласти

Комиссар Госуд. Безопасн. 3 ранга

(БАК)

8 июля 1937 года.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

1937 ГОДА ТЮЛЯ 8 ДНЯ Нач. Отделения 4 Отдела УГБ Управления НКВД по Севобласти — Мл. лейтенант Госуд. Безопасности СЕМЕНОВ, рассмотрев следственное дело за № 824+ о КАМКОВЕ Борисе

Давыдовиче и других обвиняемых по ст. ст. 58 п. 10 ч. 1, 19–58 п. 8 и 58 п. 11 УК РСФСР —

Н А Ш Е Л:

По делу арестованы и привлечены к ответственности по ст. 58 п. 10 ч. 119–58 п. 8 и 58 п. 11 УК РСФСР:

1. КАМКОВ Борис Давыдович — 1885 г. рождения, уроженец Бессарабии, образование высшее, ссыльный, член ЦК ПЛСР за активную к-р. деятельность неоднократно судился и отбывал наказание, арестован 6 февраля 1937 года;

2. БОГАЧЕВ Яков Терентьевич — 1889 г. рождения, уроженец дер. Панфилово Чебарсарского района Северной области, образование высшее, научный сотрудник Северного Геологотреста, член ЦК ПЛСР за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 9 февраля 1937 года;

3. ГЕЛЬФГОГ Александр Павлович — 1887 г. рождения, уроженец г. Ростов-на-Дону, образование н/высшее, ссыльный, член ЦК ПЛСР за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 6 февраля 1937 года;

4. ЮРКОВСКИЙ Борис Борисович — 1903 г. рождения, уроженец г. Горького, образование среднее, работал экономистом Союзтекстильшвейторга, левый эсер, за активную к-р. деятельность неоднократно судился и отбывал наказание, арестован 6 февраля 1937 года;

5. ПИНЕС Дмитрий Михайлович — 1891 г. рождения, уроженец г. Москвы, образование высшее, ссыльный, левый эсер, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 6 февраля 1937 года;

6. ЛУТТАРД Федор Иванович — 1885 г. рождения, уроженец г. Митавы (Латвия), образование н/среднее, левый эсер, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 14 апреля 1937 года;

7. ЮРЧЕНКО Петр Сергеевич — 1899 г. рождения, уроженец г. Голя, анархист, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 14 апреля 1937 года;

8. ВОЛЫНСКИЙ Александр Филиппович — 1911 г. рождения, уроженец г. Ленинграда, образование высшее, работал инженером Картографической фабрики, беспартийный, арестован 14 апреля 1937 года;

9. РОССИК Савва Игнатьевич — 1902 г. рождения, уроженец г. Чита, член ПСР за активную к-р. деятельность, судился и отбывал наказание, арестован 14 апреля 1937 года;

10. ОЛИЦКИЙ Дмитрий Львович — 1905 г. рождения, уроженец г. КУРСКА, ОБРАЗОВАНИЕ ВЫСШЕЕ, РАБОТАЛ ТЕХНИКОМ Горзеленстроя, ссыльный, член ПСР, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 14 апреля 1937 года;

11. ТАРЛЕ Александр Давыдович — 1888 г. рождения, уроженец г. Николаева, образование высшее, ссыльный, меньшевик, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 14 апреля 1937 года;

12. ГРИГОРЬЕВ Рафаил Григорьевич — 1889 г. рождения, уроженец г. Радзивиллов (Польша), образование высшее, меньшевик, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 14 апреля 1937 года;

13. КРАСИЛЬНИКОВ Николай Андреевич — 1906 г. рождения, уроженец г. Ленинграда, образование среднее, беспартийный, нигде не работал, арестован 22 апреля 1937 года;

14. СОЛДАТОВ Леонид Константинович — 1888 г. рождения, уроженец г. Иркутска, образование высшее, член ПСР, работал научным сотрудником отд. ВНИРО в г. Архангельске, арестован 25 апреля 1937 года;

15. САМУСЕВ Михаил Сергеевич — 1895 г. рождения, уроженец с. Н-Ронск, Климовского района Западной области, ссыльный эсер, за активную к-р. деятельность неоднократно судился и отбывал наказание, арестован 22 апреля 1937 года;

16. СПИРИДОНОВ Михаил Александрович — 1889 г. рождения, уроженец с. Заборовье Медновского района Калининградской области, ссыльный, член ПЛСР, за активную к-р. деятельность судился и отбывал наказание, арестован 22 апреля 1937 года;

Следствием установлено, что член ЦК ПЛСР КАМКОВ Б. Д. отбывавшая ссылку в г. Архангельске, установив контрреволюционные связи с эсеровским подпольем, совместно с другими обвиняемыми по делу в г. Архангельске создал к-р. эсеровскую организацию, организовал Северный областной комитет к-р. эсеровской организации.

Получив к-р. установки по террору через обвиняемого ЮРКОВСКОГО, организовал к-р. террористическую группу, подготовлял террористические акты против руководителей Советского правительства, а также против руководителей Северной партийной организации.

Среди населения участники к-р. организации — обвиняемые по данному делу вели активную к-р. работу, проводили вербовку к-р. кадров, а также террористов, в связи с чем, в целях полного вскрытия к-р.

деятельности обвиняемых, необходимо производство ряда следственных действий как в Северной области, так и в других местах СССР.

Для разработки этих вопросов необходимо дополнительно 1 месяц времени, срок же следствия по делу истекает 6-го июля 1937 года.

Руководствуясь ст. 116 УПК, —

П О С Т А Н О В И Л:

Возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о продлении срока следствия и содержания под стражей обвиняемых КАМКОВА Б. Д. и других обвиняемых по делу дополнительно на 1 месяц, т.е. до 6.08.1937 года.

Нач. отделения 4 Отдела УГБ СО

Мл. лейтенант Госуд. Безопасности (СЕМЕНОВ)

СОГЛАСЕН: Зам. Нач. Отдела УГБ УНКВД СО

Капитан Госуд. Безопасности (РАЙБЕРГ)

СПРАВКА:

1. Ходатайство о продлении срока следствия возбуждается четвертый раз.

2. Обвиняемые КАМКОВ Б. Д. и ЮРКОВСКИЙ Б. Б. находятся под стражей в тюрьме НКВД в г. Москве. Остальные обвиняемые содержатся под стражей в след. тюрьме УНКВД по Севобласти — в г. Архангельске.

Нач. Отделения 4 Отдела УГБ СО

Мл. лейтенант Госуд. Безопасности (СЕМЕНОВ)

Второй допрос Д. Олицкого состоялся только ровно через полгода после первого — 28 октября.

Третий допрос. 29 октября 1937 года. Протокол допроса публикуется полностью.

ВОПРОС — Когда, где и кем Вас завербовали в партию эсеров?

ОТВЕТ — В 1922 году в городе Москве во время учебы в первом Московском Государственном университете — студентом Тимирязевской академии Сидоровым. Наша студенческая эсеровская организация в это время была связана непосредственно с центральным бюро ПСР. По этому делу я судился и отбывал наказание.

ВОПРОС — Кто из Ваших родственников еще является эсерами?

ОТВЕТ — Помимо покойного отца народника, членом ПСР является моя родная сестра Екатерина Львовна Олицкая, которая, будучи осуждена первый раз по одному со мной делу с 1924 г. находится в ссылках и политизоляторах.

Последнее время она отбывала наказание в Суздальском и Ярославском политизоляторах. Где она сейчас не знаю, т.к. 15 апреля 1937 г. У нее кончился срок.

ВОПРОС — В каком политизоляторе Вы отбывали наказание?

ОТВЕТ — В Ярославском с 11.04.1933 по 27.10.1935 гг.

ВОПРОС — В обструкциях за время отбывания наказания в изоляторе вы участвовали?

ОТВЕТ — Да участвовал, четыре раза.

ВОПРОС — Когда познакомились вы с Суровцевой Надеждой Витальевной?

ОТВЕТ — Познакомился в Ярославском политизоляторе, а под конец мы считали себя как мужа и жену. Брак оформили в Архангельске.

ВОПРОС — Что Вам известно было из к-р. прошлого Суровцевой Н. В.?

ОТВЕТ — Со слов Суровцевой я знал, что она в эмиграции вступила в компартию Австрии в 1925 или 1926 г. Приехала в СССР. В СССР работала в г. Харькове у уполномоченного Наркоминдела Украинской ССР. Я знал, что она судилась и осуждена за шпионаж в пользу одного иностранного государства и вместе со мной в Ярославском политизоляторе отбывала наказание.

ВОПРОС — Таким образом, до женитьбы на Суровцевой вы знали, что она шпион?

ОТВЕТ — Да знал, что Суровцева Н. В. судилась и осуждена за шпионаж, по этому не верил.

ВОПРОС — Кто из знакомых Ваших приезжал к Вам за период пребывания в г. Архангельске?

ОТВЕТ — Приезжал один ее далекий родственник ЖИТНИЦКИЙ Иван Иванович.

ВОПРОС — Какие услуги СУРОВЦЕВА-ОЛИЦКАЯ оказывала ЖИТНИЦКОМУ Ивану Ивановичу?

ОТВЕТ — Я знаю, что ОЛИЦКАЯ-СУРОВЦЕВА встретила ЖИТНИЦКОГО в краевом музее, т.к. он приезжал в командировку центрального музея СССР, и узнав, что он ее родственник устроила на квартиру в том же доме где жили и мы. Я знаю, что жена ОЛИЦКАЯ-СУРОВЦОВА вместе с ЖИТНИЦКИМ ездила на Сульфатстрой. Вместе с ним обрабатывала материалы и, не докладывая зав. областного музея эти материалы передала ЖИТНИЦКОМУ.

ВОПРОС — Что Вам было известно о целях приезда в Архангельск ЖИТНИЦКОГО?

ОТВЕТ — ЖИТНИЦКИЙ в разговорах со мной говорил, что он подготовил к печати литературный труд о жизни народов Севера, поэтому говорил он его интересуется жизнь и быт ненцев, коми, эконо-мика края, промыслы.

ВОПРОС — Вы какие услуги оказывали ЖИТНИЦКОМУ?

ОТВЕТ — Я по просьбе ЖИТНИЦКОГО скопировал ряд схем и диаграмм, а именно: 4 места схем боевых действий партизанских отрядов, план Индигского олеводсовхоза, растительные зоны, зоны пушного промысла, пути сообщения и диаграмма Северного края как место ссылки. Откуда он получил эти материалы я не знаю. За работу он мне уплатил около трехсот рублей.

ВОПРОС — С кем из политссылных в Архангельске Вы имели связь?

ОТВЕТ — Политических связей у меня ни с кем не было.

ВОПРОС — Вы эсер?

ОТВЕТ — Да. Некоторые эсеровские и народнические принципы у меня сохранились до сих пор.

ВОПРОС — С членом ЦК ПЛСР КАМКОВЫМ Б.О. Вы были связаны?

ОТВЕТ — Нет, политической связи у меня с КАМКОВЫМ не было. Встречать я его встречал.

ВОПРОС — На квартире КАМКОВА Вы бывали?

ОТВЕТ — Нет, не бывал.

ВОПРОС — Вам оглашаются показания вашей жены ОЛИЦКОЙ-СУРОВЦЕВОЙ, где Она говорит, что у КАМКОВА Вы бывали, и она Вас с ним познакомила (оглашена часть показаний ОЛИЦКОЙ-СУРОВЦЕВОЙ по данному вопросу).

Признаете Вы это сейчас?

ОТВЕТ — Да, с КАМКОВЫМ меня познакомила ОЛИЦКАЯ-СУРОВЦЕВА. На квартире КАМКОВА я один раз был. КАМКОВ у нас был два раза.

ВОПРОС — Какую политинформацию Вы сделали КАМКОВУ о Ярославском политизоляторе?

ОТВЕТ — Я рассказал о жизни и режиме политизолятора и тех лицах, которые его интересовали.

ВОПРОС — Позднее, какую Вы ему (КАМКОВУ) делали информацию?

ОТВЕТ — Никакой, лишь был случай, когда получив письмо от ссыльного эсера ЕРУХИМОВИЧА ШОЛОМА с сообщением о моей сестре Ека-

терине я по Просьбе ШОЛОМА передал-сообщил КАМКОВУ, где сейчас находится ЕРУХИМОВИЧ ШОЛОМ.

ВОПРОС — С кем из эсеров в г. Архангельске Вы имели связь помимо КАМКОВА?

ОТВЕТ — Кроме КАМКОВА я имел знакомства с эсерами:

1. ПИНЕС ДМИТРИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ, у которого я был раз два три на квартире, он у меня был три раза, один раз с женой. С ПИНЕСОМ связь поддерживал, как с одним из редакторов произведений Блока.

2. РАСНЕРОМ САУЛОМ МОИСЕВИЧЕМ, который у меня на квартире бывал один раз, я у него — тоже один раз.

3. ЮРКОВСКИМ БОРИСОМ БОРИСОВИЧЕМ, с которым вместе встречались на регистрации и в столовой.

Украинскими эсерами: ПЕТРЕНКО НА ЗАРОМАНТОНОВИЧЕМ и СТЕПАНЕНКО АРКАДИЕМ СТЕПАНОВИЧЕМ.

ВОПРОС — Кто Вас связал с эсерами ПЕТРЕНКО и СТЕПАНЕНКО?

ОТВЕТ — Познакомила меня с ним ОЛИЦКАЯ-СУРОВЦЕВА Н. В.

ВОПРОС — Какую политическую информацию Вы сделали ПЕТРЕНКО в политизоляторе?

ОТВЕТ — ПЕТРЕНКО я рассказал также как и КАМКОВУ о жизни в изоляторе, в отношении тех украинских националистов, которые его интересовали. Он мне рассказал о жизни в г. Архангельске.

ВОПРОС — Как часто встречались с ПЕТРЕНКО?

ОТВЕТ — У ПЕТРЕНКО за зиму 1935—36 гг. я был три раза и летом 1936 г. один раз. ПЕТРЕНКО у меня был раза четыре. Приходил он не ко мне, а к жене.

ВОПРОС — Какие политические разговоры у Вас были при встречах с ПЕТРЕНКО?

ОТВЕТ — Никаких политических разговоров не только с ПЕТРЕНКО, но и другими эсерами и лицами, которые у нас бывали, не было.

ВОПРОС — Прекратите запирательство. Следствием точно установлено, что Вы являетесь участником к-р. эсеровской организации. Так это было?

ОТВЕТ — Нет. Участником к-р. организации я не был.

ВОПРОС — Вы не могли быть не участником к-р. эсеровской организации и не знать о ее работе, т.к. Ваша квартира по показаниям ряда лиц являлась местом политических встреч ряда политссыльных, что подготовила к Вашему приезду Ваша жена ОЛИЦКАЯ-СУРОВЦЕВА Н. В. Вы признаете это сейчас?

ОТВЕТ — Я не отрицаю, что у ОЛИЦКОЙ-СУРОВЦЕВОЙ сейчас арестованной по делу украинских националистов в г. Архангельске среди

политических и вообще ссыльных широкие бытовые связи, но повторяю участником к-р. организации я не был. Верно и то, что иногда у нас наквартиревстречалисьссылныйправыйЗИНЧЕНКОсМАСЛЮЧЕНКО, женой украинского националиста ВИШНИ. Я знаю, что ОЛИЦКАЯ-СУРОВОЦЕВА ряду лиц оказывала помощь подысканием квартир, деньгами. Это она делала только потому, что имеет отзывчивый характер.

ВОПРОС — С кем из троцкистов Вы имели связь?

ОТВЕТ — Я знаком с троцкистом РОЗЕНГАУЗ, с которым познакомила жена у меня на квартире.

ВОПРОС — Какие к-р. разговоры у Вас были с РОЗЕНГАУЗ?

ОТВЕТ — Никаких.

Протокол мною прочитан.

С моих слов записано правильно.

Д. Олицкий.

Допрашивал — оперуполномоченный 2 отделения 4 отдела УГБ Мл. Лейтенант Гос. Безопасности (ШМН)

В тот же день был составлен еще один документ:

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

По следственному делу №8249—4-го Отдела УГБ РО УНКВД
Севобласти

подлежащему разбору на тройке УНКВД по Северной области

1. Фамилия — О Л И Ц К И Й
2. Имя, отчество — Дмитрий Львович
3. Год рождения — 1905 и количество исполнившихся лет 32
4. Место рождения — г. Курск
5. Место жительства до ареста — г. Архангельск, ул. Олонецкая, 23, кв. 1
6. Место работы и должность — техник Госзеленстроя
7. Имел ли судимость, высылку (когда, откуда и на какой срок, за что).
Отбыл ли:
 - а) В 1924 г. за участие в к-р. эсеровской организации в г. Москве. Осужден в ссылку на 3 года;
 - б) В 1930 г. за активную к-р. эсеровскую работу осужден на 5 лет политизолятора;
 - в) В 1935 г. в порядке пересмотра дела осужден в ссылку в Севкрай на 3 года.
8. В каких партиях состоял в прошлом (время и причины выбытия) — член ПСР с 1922 г.

9. Социальное положение — служащий, образование н/высшее.
10. Сущность обвинения — Обвиняемый ОЛИЦКИЙ Д.Л. кадровый эсер. За активную к-р. эсеровскую деятельность три раза судился и отбывал наказание. С 1930 года по 1935 год отбывал наказание в Ярославском политизоляторе, 4 раза участвовал в обструкциях. Родная сестра ОЛИЦКОГО — ОЛИЦКАЯ Екатерина Львовна кадровая эсерка, за активное участие в ряде к-р. эсеровских организаций с 1924 г. непрерывно отбывает наказание в политизоляторах и ссылках. Жена его — ОЛИЦКАЯ-СУРОВЦЕВА Надежда Витальевна, активная к-р. украинская националистка — шпион одного иностранного государства, за что судилась, отбыла 5 лет политизолятора и 3 года ссылки. В данное время арестована и осуждена по делу к-р. украинской националистической группы в г. Архангельске.

Обвиняемый ОЛИЦКИЙ в октябре 1935 года, прибыв в ссылку в г. Архангельск, установил к-р. связи с рядом руководителей к-р. эсеровской террористической организации КАМКОВЫМ Борисом Давыдовичем, ЮРКОВСКИМ Б.В., РАСНЕРОМ С.М., ПИНЕС Д.М., вошел в состав указанной выше к-р. организации.

Обвиняемый ОЛИЦКИЙ информировал КАМКОВА о Ярославском политизоляторе, содействовал КАМКОВУ установить связь с ссыльным активным эсером ЕРУХИМОВИЧ ШОЛОМ, отбывающим ссылку в Красноярском крае и превратив свою квартиру в место к-р. встреч и сборов, поддерживал к-р. связи с украинскими эсерами, председателем ЦК УПСР ПЕТРЕНКО Н.А. и др.

Привлеченный по делу в качестве обвиняемого ОЛИЦКИЙ, не отрицает фактов своих связей с КАМКОВЫМ и др., информации КАМКОВА о Ярославском политизоляторе, оказания помощи КАМКОВУ по установлению связи с ЕРУХИМОВИЧ, виновным себя в участии в к-р. эсеровской террористической организации не признал.

П О С Т А Н О В И Л

Дело №8249 по обвинению ОЛИЦКОГО Д.Л. направить на рассмотрение тройки УНКВД Севобласти, арестованный содержится под стражей в Архангельской тюрьме, перевести в _____ тюрьму зачислив содержанием за УНКВД Севобласти.

Начальник 4 отдела УГБ РО УНКВД СО

Ст. Лейтенант Гос. Безопасности

(ЦУБМН)

Оп. Уполномоченный 4 отдела УГБ

Мл. Лейтенант Гос. Безопасности

(ЦУКМН)

«29» октября 1937 гг. Архангельск

В тот же день — третий документ:

*Выписка из протокола заседания тройки УНКВД
Северной области от 29 октября 1937 года*

Слушали:

*& 49. Дело №8249—4-го отдела УГБ УНКВД по обвинению ОЛИЦКОГО
Дмитрия Львовича, 1905 г.р., эсера, три раза судимого.*

*Обвиняется в том, что являлся участником контрреволюционной,
Террористической эсеровской организации. Превратил свою квартиру
в Место контрреволюционных сборищ. Держал связь с украинскими
эсерами.*

Постановили:

ОЛИЦКОГО Дмитрия Львовича — РАССТРЕЛЯТЬ.

Дело сдать в архив.

Расстреляли Д.Л. ОЛИЦКОГО — 3 ноября 1937 года. Ровно через год после ареста Надии.

Кто входил в эту приснопамятную для многих архангельскую «тройку НКВД»? Их имена заботливо скрывают и сейчас¹.

Кто реабилитировал Д.Л. ОЛИЦКОГО в 1989-м?

«Заключение» на реабилитацию составили: от прокуратуры — Т.С. Сабурова, от УКГБ Г.Г. Ромашенко.

Утвердил заключение — прокурор Архангельской области В.А. Мельников.

В 1999–2001 годах прокуратура Архангельской области под маркой архангельского Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова опубликовала три тома («А» — «Я») «Книги памяти жертв политических репрессий». Имен Надии СУРОВЦОВОЙ и Дмитрий ОЛИЦКОГО там нет. Как и многих других «украинских националистов», «троцкистов», «анархистов», «эсеров» и прочих «врагов народа»...

¹ А, людей типа австрийского «охотника за нацистами» Симона Визенталя (31. XII.1908 г. Бучач, близ Станислава, Украина — 20. IX.2005 г. Вена) в РФ нет.

IV. «Север полонит меня»

Архангельск-Колыма

В августе 1996 г. Леся писала мне:

«В 1943 году Н. В. С. начала писать «Колымские силуэты» в этом цикле есть рассказ «КЭ». Первая половина которого — о работе в Архангельском краеведческом музее. В переводе на украинский этот рассказ с некоторыми другими из этого же цикла опубликован в журнале «Київ» в 1991 г.».

Архангельская «тройка» осудила Надию на 5 лет Колымских лагерей. Фактически на смерть. Миллионы там легли костьми...

Кайло... А, эти европейские руки играли на рояле в Вене и Харькове Шопена...

Рассказ называется «КЭ»¹. Печатается по машинописному тексту присланному мне Л. Н. Падун-Лукьяновой.

«КЭ»

Царь Петр, ненасытный искатель, захватил, возвращаясь из Голландии, два огромных шкафа чудесной резьбы и множество мелочей — оловянных пивных кружек, тяжелых и серых; веселых — синевой дельфтских фарфоров; нужных ему приборов — буссолей; астролябий и массу мелкого хлама, а среди него — массивных курительных трубок, белого толстого фарфора, с тонкой позолотой вокруг синих, как васильки во ржи, разводов. Все было привезено в Холмогоры — наименованные Архангельском. И рослые коренастые поморы дивились, а, дивясь, в угоду молодому царю, курили из чудных заморских трубок едкое чужое запретное зелье.

Бурные дела отозвали царя от любимого Белого моря к далекой нелюбимой Москве. Мощными волнами великих событий захлестнула эпоха. Вышли на поверхность истории привезенные астролябии и буссоли, разные же мастерской работы голландские шкафы и синие дельфтские трубки опустились на дно взволновавшейся жизни и тихо дожили до наших бурных дней.

Отшумели первые грозные громы новой северной эпопеи. Видавшая шведов безбрежная Двина вновь окрасилась человеческою кровью. Суровым памятником поднялась темная колонна у самого устья, на пустынном острове — Мудьюге.

¹ Друг, по-юкагирски — примечание Суровцовой.

А Холмогоры, веселый Петровский город, уже давно названный Архангельском, после трех беспокойных лет приютил у себя все неживые остатки когда-то живых эпох. И спокойно лежали они, запыленные, позабытые, в белом каменном доме, на улице Павлина Виноградова¹ — человека, в последнюю непогоду интервентами убиенного в доме, с числом номер сто.

Добротно построен был белый каменный дом². Сквозь толстые полуметровые кирпичные стены в самый знойный день не проникала жара, от которой струится остановившийся над рекой июльский воздух, и контуры возникающего из серебристых волн Кегострова казались далеким миражем какой-то фантастической страны. В мрачных высоких залах оставалась неизменной прохлада и торжественное молчание. Полукруглые узкие окна бросали таинственный полусвет на множество странных, далеких от времени, предметов. За окном сиял день, яркой зеленью кудрявых столетних берез улыбалась набережная, звеня, пролетел с Кузнечихи трамвай, кокетливо белел в бывшей вилле английского консула трест «Северолес» на фоне бархатного газона.

А в залах на стеллажах, подставках, стенах стояли торжественные и словно чужие сокровища Соловков, Каргополя, Великого Устюга.

Проходили веселые экскурсии. Притихшие, с расширенными зрачками молодые девушки, ребята с лесопильных заводов Цигломени, сплавицки, лесорубы, студенты, моряки с иностранных судов, ждущих погрузки на лесобиржах. Смотрели на бивень мамонта, на старинную потемневшую кольчугу воина-монаха, на страшные подземелья-застенки монастырей, на зеркальце царевны Софьи и на огромный резной шкаф, привезенный самим Петром. Капитан советского корабля, только что вернувшийся с «белых пятен» на «Садко»³, читал лоцманскую грамоту, данную царем — плотником его прадеду...

1 Виноградов Павлин Федорович (1890–1918), большевик. Командующий Северодвинской флотилией. Убит в бою. В советское время главная улица Архангельска называлась — «проспектом Павлина Виноградова» (1920–1993). Ныне — Троицкий проспект.

2 Архангельский музей с 1920 г. до середины 1970-х годов находился в национализированном доме Брольницкого по адресу: пр. Павлина Виноградова, дом № 100. Надежда Витальевна Суровцова работала здесь в 1936–37 годах научным сотрудником. Дом № 100, прекрасный архангельский особняк уничтожен (как и многие другие еще сохранившиеся от вандализма 1930-х) в середине 1970-х годов.

3 «Садко» — ледокольный пароход.

В последнем зале, угловом и просторном, жила старина севера. У самой двери стоял ненец в совике, висела вся в изысканных меховых узорах богатая женская малица, на искусном макете бежала собачья упряжка с легкими узкими нартами, а около стоял настоящий хорей¹. На стеллаже под стеклом — десятка полтора маленьких меховых кукол с птичьими головами — амулетов, символов улетающей, как птица, души. У стены же — гордость музея: семь — от самого маленького в 50 сантиметров до высокого, почти в рост человека — грубых вытесанных из дерева жестоких, суровых богов далекого, крайнего севера. Люди проходили мимо других экспонатов, останавливались и молча подолгу глядели. Божки опускали деревянные веки и стояли прямые, бесстрастные, с вытянутыми вдоль грубо отесанных туловищ руками, не глядя на чужую пеструю толпу ежедневных пришельцев.

За парадными залами, из кабинета директора, тяжелая окованная железом дверь с большим замком и сургучной печатью вела в мое царство. Вооружившись толстой инвентарной книгой я переступила впервые порог далекой памятной весной. Пахло сыростью и пылью. Несколько крыс бесшумно пробежали и скрылись за сундуками. Затканые паутиной окна едва пропускали тусклый свет. Громадный зал был битком набит самыми разнообразными предметами. Все было покрыто густым, годами нетронутым слоем пыли. На полу темнел крысиный помет.

Я осталась одна. Кое-как пробралась в наиболее освещенное место, разобрала сваленную грудку потемневших икон и у горки со старинным фарфором на стеклянном гробу канонизированного Соловецкого инока Захария устроила временный походный письменный стол. Время летело быстро. Очистив основную мерзость запустения, я приступила к инвентаризации. Номер за номером выступали из углов скрытые сокровища. Очищенное и выверенное стояло на дощатых полках серое оловянное петровское литье; были разложены казанские, владимирские, смоленские божии матери; пересчитаны блеклые шитые шелками и жемчугом плащаницы, тончайшие Соловецкого шитья платы, воздушные, тяжелые облачения, орлецы, тканые золотом, епитрахили, ризы; уложена в шкаф массивная митра с алмазами, изумрудом и бирюзой; ящик хитрого плетения старинных вологодских кружев с затейливыми названиями; сундук свадебных поморских уборов сверкающих неблек-

¹ Хорей — длинный шест для управления собачьей упряжкой. Примечание Н. В. Суровцовой.

нувшим золотом шитьем, разнообразнейшие кокошники молочного речного кемьского жемчуга...

Шли дни. Синели отметки — птички в толстой книге, и все росла очищенная, разобранный половина зала.

В хмурый дождливый день, зябко кутаясь в большой платок, я склонилась над стеклянным своим гробом-столом, разбирая нечеткую запись, и вдруг почувствовала устремленный на себя чей-то взгляд. Кроме меня, никто в зале никогда не работал. С каким-то неприятным чувством я подняла голову и увидела глядящие на меня из полумрака глаза. В них было столько муки, нечеловеческого страдания, что я невольно вздрогнула. Стряхнув с себя минутные чары, я подошла к затененному шкафу в углу. Прислоненный к стене там стоял почти в натуральный рост деревянный Христос. Когда-то раскрашенный, он побледнел от длительных дождей, губы были бескровно бледными, каштановые волосы покрывал сединой слой пыли, а глаза, голубовато серые, смотрели на меня, и это были живые глаза. Ни терновый венец, ни темная капля крови на мертвенно восковом лбу не ослабляли силы впечатления.

Мне вспомнился «Бедный Христос» Короленко. Бедный Христос. Откуда он здесь, такой покинутый и ненужный в куче поломанного хлама, старых рам, пустых ларцов из-под частиц мощей, свитков почерневших полотен с суровыми монашескими ликами. Очищенный от паутины и пыли, он не утратил свою выразительность. Я нашла его инвентарный номер, а в башенке-библиотеке — французскую монографию о неизвестном скульпторе, резавшем деревянные статуи два века тому назад.

Вотяки, упрямый народ, ни за что не принимали христианство. Безуспешно давало льготы даже по рекрутчине царское правительство; напрасно сулили миссионеры священники загробные блага, пугали мрачными перспективами необращенных грешников. Упорные вотяки настойчиво кланялись своим неуклюжим деревянным идолам. И вот какой-то изобретательный ум нашел непритязательного резчика, и искорка затерянного в дремучих лесах дремлющего таланта воплотилась в страдальческом лике деревянного Христа. Чужой бог приблизился. Он стал знакомым родным идолом. И вотяки сдались. Они массами стали переходить в христианство.

Бурные годы смели это искусственное напластование. Молодежь, радостная, шумная, проникала в самые дремучие углы. Какая-то комиссия по охране памятников старины ездила на скрипучей телеге

и собирала памятники старины, подлежащие сдаче в музей. Вотяки встретили распоряжение угрюмо. Они долго всячески уговаривали человека в кожанке не трогать их бога. Но человек был настойчив и велел привезти статую на другой день в бывший уездный город.

Только под вечер появилась траурная процессия. На телеге стоял гроб, а в гробу, обвитый белыми полотнами, лежал Христос. Приемщик развернул статую, отнес в пыльный склад и вместе с квитанцией возвратил привезшим полотна и гроб. Они ни за что не хотели брать полотно обратно и тщетно объясняли, что бога они хоронят. Так и уехали непонятые. На утро была обнаружена странная пропажа. Христос исчез. Но когда послали нарочного в село, то увидели, что бог на старом месте. Вотяки молча переступали с ноги на ногу, угрюмо молчали. Его увезли. Трижды исчезал Христос. Наконец, вместе с остальными, упакованный в ящик он был отправлен в Архангельск. Время было горячее — не до христов. По Двине шли пароходы, грохали пушки. Над городом, старинным и истовым, висела смута. Вещи свалили в бывший губернаторский музей.

Отгремели чайковцы¹, интервенты. Исчез вызывающий всеобщее внимание французский сенегалец, оставив на Пинежской улице, у самых мхов, в бревенчатом домике пару черных близнецов. Высокие сводчатые залы музея были сплошь завалены Соловецкими, великоустюгскими, каргопольскими, шемагодскими реликвиями, вологодскими кружевами, поморскими уборами, резными прялками, белоснежными совиками, расшитыми малицами.

И вот теперь, в спокойные мирные годы я сижу у стеклянного гроба позабытого святого и читаю строки о найденном мною вторично во тьме позабытом боге. Север, неизведанное обаяние примитива коснулось меня своим мистическим дыханием.

Вот заботливой хозяйкой я перетрясаю меха, развешиваю их на кольях забора палисадника, пересыпаю нафталином чучела сохатого, оленью упряжку, надъеденную моим злейшим врагом молью ненецкую юрту, а под окном с гортанным криком проносится на собаках — маленьких пушистых лайках каюр, тренирующий собак для экспедиции Нобиле...

Пролетает в яркой синеве славный дирижабль... Радостно встревоженное население в ослепительный летний день засыпает цветами

1 Чайковский Николай Васильевич (1850 Вятка-1926 Лондон) народник, народный социалист. В 1918–1920 гг. возглавлял антибольшевистское правительство Северной области в Архангельске.

возвратившихся со льдины прогремевших во всем мире челюскинцев, и их деревенские жены сидят в блестящих машинах прямые, ровные, словно мои музейные красавицы-манекены, глядя бледно голубыми, бирюзовыми как речка, глазами...

Деловито торгуется со мной в кабинете знаменитый Тыко-Вылко¹, председатель новоземельского островного совета, продает меха — приданое своей первой жены. Он просит 700, а даю 500.

— Нет! — решительно возражает он. — Тогда давай 400! — И музей покупает меха.

Я продолжала свою работу. В инвентарной книге все больше отметок. Мои европейские руки все чаще касаются чужих, далеких предметов, и они становятся роднее.

В углу стоит ненецкий чум. Кто знает — может быть в нем кочевал в конце прошлого века «самоед, убиенный купцами», надгробную плиту которого я видела на днях на старом кладбище под дуплистай белой березой?

Север полонит меня...

II.

Давно, так давно! ...На самой грани ускользящей памяти, где-то в растрепанной географии задано «на завтра» — юкагиры, выми-рающая народность Крайнего Севера, насчитывает несколько сот человек.

Как же так — выми-рающая? Непонятно и жутко звучит это на солнечной моей родине. И слово «юкагиры» — чуждое и таинственное. Какие они?

Они вошли в мою жизнь гораздо позже. На этом самом Крайнем Севере.

Мы сидим в крепко сколоченной избушке у стола за чаем. Моя гостья уже не первый раз заглядывает ко мне. Как только мороз скует воды Колымы, а пушистый снег застелет необозримые просторы, из далекого-далека, с первым оленьим транспортом приезжает моя Маруся. Юкагиры везут из далекого Бальгычана мясо, рыбу, пушнину. И вот она сидит передо мной живая. Если немного зажмуриться... Когда запрыгает отблеск угасающего в печи огонька и упадет на странно малоподвижное темное, как лики святых, лицо девушки с черными,

¹ Вылка Илья Константинович (1886 Новая Земля-1960 Архангельск) ненецкий художник, сказатель. В 1924—1956 председатель Новоземельского островного совета. После выселения ненцев с Новой Земли и создания там ядерного полигона жил в Архангельске.

косо прорезанными глазами и прямыми блестящими черными волосами, то можно ярко, до физической оцутимости, вспомнить архангельские музейные залы.

Брошена на полу мехом вверх оленья кухлянка с капюшоном. На маленьких ногах гостьи расшитые цветным бисером пыжиковые торбаза. И вся она — с ног до головы, за исключением имени, такая сказочная, яркая.

За окном — пурга. Воет ветер, в тайге, дремучей, нехоженной, откуда вот только что на узких нартах примчал ее стремительный бег серебристых белых оленей. Юкагирская снежная королева, похищенная из сказки Андерсена.

Тихо и мерно тикают часы. Время уходит на цыпочках. Стирается грань между былью и сказкой. Мерно звучит голос, и странно незнакомо акцентируются слова.

— Это было не очень давно. Жили юкагиры — даже смеяться будешь, — какие темные. Жил человек юкагир, как мы, одинаковые, с женой. Рыбу ловил, на охоту ходил. Был у них мальчик трех лет. Грудью она его еще кормила; это в старое время. Вот. И жене говорит: я на охоту пойду, а вы дрова собирайте. Пошел в тайгу. Видит, медведь лежит мертвый, мороженный. Испугался. Раненый — не раненый? Подумал — надо взять. Пошел за нартами и принес домой, прямо в юрте положил. Жена говорит: — Зачем тебе мороженный, принес, кушать нельзя, худой, даже собака кушать не будет.

Оттаял медведь там. Через два дня человек на охоту пошел и вернулся в полночь. Месяц светит, дверь открыта, медведь стоит живой. Напал на человека, тот его топором, и зарубил. Вошел в дом: ни жены, ни ребенка нету — скушал. Вот он и уехал к своим, и старик ему сказал: — Вот ты дура, так бывает. Зачем нес в юрту?...

Замолк голос. Прыгают по смуглому неподвижному лицу красные отблески от печки. Быль, или сказка?

Хочется стряхнуть зловещую простую повесть. А пурга из тайги налетает на бревенчатую избушку, злой ветер бросает пригоршнями в замерзшее доверху окно сухой, колючий снег и твердит: быль...

Маруся кочевала до пятнадцати лет. Их род так беден, что не имел оленей. Были только собаки. Когда переставала ловиться рыба, юрту и убогий скарб нагружали на нарты, и женщины, вместе с собаками, тащили все до нового места.

— Ух, как было холодно, — вспоминает юрту Маруся. — Знаешь, спереди огонь, а спина вся замерзает.

Во время одного из таких переходов истощился запас рыбы, и бабушка умерла от голода.

— Когда мне исполнилось восемь лет, отец взял ружье, длинную лозу и повел меня в лес. Там он показал мне цель и велел стрелять. Я выстрелила, не попала. Отец больно стегнул лозой. Я заплакала.

— Не плачь, а попадай! — ударил вторично отец. Я попала. Тогда отец показал на белку на дереве. С тех пор я стала охотником. Девяти лет я убила первого медведя. Он пришел к нам к юрте и стал тащить запасы. Было очень страшно, но отца я боялась еще больше. Когда он вернулся и взглянул на убитого медведя, я первый раз увидела, как он смеялся. Потом меня сватал якут, но мать рассердилась, зачем предлагал только одного оленя, и меня не отдала.

Пришла революция, с нею новые люди, новые судьбы. Смуглая юкагирка с далекого Балыгычана попала в далекий Ленинград в институт народов Севера. Там к трем языкам — якутскому, юкагирскому, ламутскому добавился русский.

Чудеса большого города не смогли одолеть очарования родной тайги, и она все же вернулась домой. Она работает в таежном колхозе, где только семь человек «белых». Ее знают далеко вокруг, и мои письма к ней я смело вручаю любому каюру, как только партии оленей появляются у нас на стану. И не было случая, чтобы он не знал адресата.

Так сидим мы за мирной беседой. Сказочная быль ее рассказов сплетается с дремучим северным фольклором.

Вот стукнула входная дверь. Шаги. И в комнату вошло двое коренастых людей. Разрез глаз, смуглота и пряди прямых волос выдают их происхождение.

— Скажи им: «сэй ожог!» — велит Маруся.

Я послушно, как заклинание, повторяю слова. Пришельцы улыбаются, их зубы сверкают белизной, они гортанно повторяют «сэй, сэй ожог» и садятся у стола.

Включаю штепсель кипятильника и вижу, как бусинки черных блестящих глаз напряженно следят за водой. Клубы пара и бульканье воды усиливают внимание, а бурное кипение вызывает столь же бурный восторг.

— А о — а о — твердят гости.

Один из них — из Марусинога колхоза — кое-как говорит по-русски. Второй — ламут. Это пастух оленьих стад с перевалов хребта у Голубой долины.

Четыре раза я наливала стаканы, и четырежды степенно выпивали их таежные гости. После четвертого раза ламут положил стакан боком на блюде и отер рукавом рот. Мне невольно вспомнились москвичи.

Юкагиры сидели молча, почти неподвижно. Я вспоминаю о перебоях со спичками и даю говорящему по-русски пробирку с глицерином и баночку марганцовки. Насыпаю на бумагу порошок. Падает густая тяжелая капля. Чувствую сквозь затылок пристальность трех пар глаз. Бумага начинает дымиться, шипеть, и фиолетовое пламя, вспыхивая, бежит по краю...

И вдруг мой ламут начинает плясать. Он безудержно смеется и выделывает странные ритмичные па около печки, озаренный горящим пламенем, произнося какие-то непонятные слова, много непонятных слов.

— Он сказал: я отнесу в тайгу, испугаю самую старую старуху — переводит Маруся.

Бережно уложен дорогой таинственный порошок. Его ждет длинный путь. И где-то там, на краю света, у полюса холода, над вечной мерзлотой будет сидеть полярной ночью юкагирская старуха и изумленно глядеть на фиолетовое пламя дымящегося блестящего порошка.

Уходя, юкагирка развязывает свои узелки и передает мне подарок — ярко расшитую цветным бисером сумочку из оленьей кожи, с цветной бахромой и потайным запором.

— Теперь такого бисера нет, — объясняет она. — Я распорол старый патронаш отца и сделала тебе. Уеду — вспоминать будешь. Запиши еще наше слово «кэ» — друг значит.

Я беру в руки подарок, как амулет. Слово «кэ» будет бережно храниться в моей памяти. Невидимые нити севера все крепче и крепче опутывают меня.

Я дарю ей в ответ белую трубку с золотом и синими разводами.

— Это тоже давнее: давно-давно один большой человек привез издалека, и таких здесь больше нет. Что сказать ей о Петре? Но глаза страстного курителя загораются таким неподдельным восторгом, маленькая ручка так крепко сжимает фарфор, что слова излишни. Трубка завершила свой цикл.

Далеко-далеко, на Западе там сейчас вечер. В ненастной мгле сверкает темная гладь канала. Медленно скользит темный парусник, а на подернутом дымкой пурпуре заката вырисовываются распростертые,

словно у птицы, крылья ветряных мельниц Дельфта. Из палисадника ослепительно белого домика доносится усталый аромат доцветающих осенних роз. Пахнет прелой листвой, сыростью канала. Возвращаются с работы люди, и в воздухе стоит своеобразный шум от деревянных сабо. На порогах сидят старики и курят расписные трубки. Легкий дымок подымается ввысь и тает в тумане...

Нижний Сеймчан, 1948 год, июль.

**V. Список архангельских политссыльных
1933—1937 гг. (по материалам архивно-уголовных дел
Надии Олицкой-Суровцовой и Дмитрия Олицкого)**

В письмах Леся часто спрашивала: *«Не мелькнул ли Назар Петренко в «делах», которые Вы смотрите? Или «Не знаете ли чего о поездке Натальи Коцюбинской на Север?»*

«СПИСОК» — ОТВЕТ НА ЕЕ МНОГИЕ ВОПРОСЫ.

1. **Баш А.**, троцкист.

2. **Бергман Генрих Бернгардович** (1898 с. Михайловское, Тульской области) немец, троцкист, журналист-литератор. Расстрелян 01.03.38 на Воркуте (Ухт-Печлаг) по постановлению тройки НКВД по АО.

(АУД. П-6030 «По обвинению Бергман»).

3. **Бельский Кирилл Андреевич** (1884 Самарская), троцкист. В 1937 году тройкой УНКВД по АО приговорен к 10 годам.

(АУД. П-3132 «По обвинению Бельского»).

4. **Белинкис Яков Семенович** (1909, Херсон), троцкист. В 1934 году ОСО ОГПУ Северного края выслан в Обско-Иртышскую область. Расстрелян 01.03.38 на Воркуте.

(АУД. П-12960).

5. **Бияч Михаил Иванович** (1891 дер. Хильчичи Золочевский повет. Галиция). Украинский националист, эмигрант из Польши. В 1917 году окончил юридический факультет в Галиции. Член компартии Восточной Галиции. В 1920 году секретарь политуправления Галицийской красной армии. В 1930 году арестован в Харькове (дело УНЦ). Отбыл три года на Беломорканале. В 1933 — директор харьковского издательства «Пролетариат». Работал в газете «Вести». Был переводчиком. Коллегией ГПУ за шпионаж — 3 года концлагерей с последующей ссылкой. В 1935—37 гг. — в ссылке в с. Черевково. Счетовод. Арестован за «систематическую националистическую и контрреволюционную деятельность». Расстрелян (по постановлению архангельской тройки НКВД от 28 августа 1938 года) 13 сентября 1938 года.

В одном из писем из Черевково в Харьков своей невестке Н. К. Бияч писал: *«С дровами очень туго. В колхозе коня не достанешь и, единичники или сами умерли, или кони у них подошли. Кто из знакомых еще шевелится? Кто умер? Кого посадили на отдых?»*.

(АУД. П-13172 «По обвинению Бияч...»).

6. **Безуглый Леонтий**.

7. **Вирав Вирав Виравович** (1895 Баку), троцкист. Бывший председатель ВСНХ Грузии и редактор газет. Член ВКП (б) в 1915—1928. В период гражд-

данской войны политработник. В 1919 году секретарь подпольного комитета РКП (б) в Тифлисе. Образование — незаконченное высшее, экономист. Из ВКП(б) исключен за принадлежность к нелегальной контрреволюционной троцкистской организации. Вел руководящую троцкистскую работу на Кавказе. Был лично связан с Троцким. В 1928 году по постановлению ОСО сослан в Крым на 3 года.

Затем в Среднюю Азию, где стал организатором и руководителем всего троцкистского подполья. В 1932 году для дальнейшего отбывания ссылки отправлен в Северный край в Архангельск. Работал экономистом в Севлеспромстрое. Жил по адресу: Вологодская, 21—5. Жена — Зельцер Евгения Григорьевна. В Архангельске Вирап связался с местной троцкистской колонией: Заславский, Фридлянд, Гошбаридзе и др. Вел переписку с Раковским. Посылал ему местную газету «Правда Севера». 20 сентября 1933 года был арестован. Н. В. С. носила ему передачи в тюрьму. 29 декабря 1933 года Коллегией ОГПУ Севкрая приговорен к трем годам концлагерей. (ОСО НКВД по АО в 1936г. приговорен к 5 годам). Расстрелян 1 марта 1938 года на Воркуте.

(АУД. П-13525 «По обвинению Вирап...»).

8. **Гинзбург Елена Яковлевна** (г. р. 1911, Бобруйск), троцкистка. Окончила МГУ в 1931 году. Член ВЛКСМ с 1926, ВКПб — с 1926. Доцент кафедры диаматалесотехнического института в Москве. Научный сотрудник института Деткомдвижения имени К. Либкнехта. В 1933 году Коллегией ОГПУ сослана в Северный край. 22.07.36 ОСО НКВД приговорена в 5 годам концлагерей. Ее муж — Юрий Андреевич Барановский отбывал наказание в Верхнеуральском политизоляторе. В Архангельске работала экономистом Северного морского зверобойного промысла. Жили: у. Чумбарова-Лучинского, 86—2.

(АУД. П-7602 «По обвинению Гинзбург»).

9. **Гуровская Сима Исааковна** (1896 Орджоникидзе), троцкистка. Жена — Г. Б. Бергмана. Образование высшее, биохимик. В 1933 году сослана в Енисейск. Затем в Северный край. (В 1923 году окончила Институт народного хозяйства им Карла Маркса в Москве). В 1936 году ОСО НКВД по Северной области приговорена к 5 годам концлагерей.

10. **Зайцев Яков Данилович** (1909 Рославль Смоленская, бывшая Западная Украина), комсомольский работник, троцкист. В 1929 году в Армавире входил в троцкистскую организацию, которую возглавлял Владимир Христианович Аусем — ученый секретарь Окрплана. Сослан в Шадринск. В 1934 году в политизоляторе порвал с оппозицией. Жил в Бирске (Башки-

рия). Затем — в Архангельске. Арестован в 1936 году. Расстрелян 01.03.38 в Ухт-Печлаге.

(АУД. П-7410 «По обвинению А. М. Абрамовича и Я. Д. Зайцева»).

11. **Залевский**, троцкист.

12. **Залесский**, троцкист.

13. **Зинченко Николай Николаевич**, «правый уклонист».

14. **Злотченко Наум Яковлевич** (1899 Днепропетровск), троцкист. Образование — высшее. В 1929 году — зав. Финансовым отделом издательства «Пролетарий» в Харькове. Арестован. Работал в Архангельском Госбанке. Жил: ул. Ижемская, 12 (квартира Вишнякова). Арестован в 1936 году. Расстрелян в Ухт-Печлаге 30 марта 1938 года по постановлению Архангельской тройки НКВД.

15. **Камков (Кац) Борис Давидович** (1885 Бессарабия), эсер. В Архангельске с 1933 года. Работал юристконсультантом в Рыбтресте. Арестован 6 февраля 1937 года. Расстрелян 29 августа 1938 года, как руководитель «Северного областного комитета контрреволюционной эсеровской организации» по постановлению Военной коллегии Верховного суда в Москве.

16. **Камкова Евгения Андреевна** (21.12.1887 Орел), эсерка. Жена Б. Д. Камкова. В 1910 году окончила историко-филологический факультет в Берне. В 1923 году в административном порядке выслана из Москвы к месту ссылки мужа. В Архангельске проживала по адресу: ул. Вологодская, 5—2. Работала экономистом в Радиокomitee. Арестована 10 декабря 1937 года. Сын — Камков-Кац Вадим Борисович, 18 лет — жил и учился в Лодзи. Там же жила мать мужа — Сильвия Михайловна Кац. По постановлению от 25.12.37 тройки НКВД по АО Е. А. Камкова приговорена к 10 годам концлагерей. 31 мая 1939 года решение архангельской тройки отменено и дело направлено на рассмотрение ОСО при НКВД.

(АУД. П-7432 «По обвинению Камковой Е. А....»).

16. **Канатъев Александр Иванович**. Руководитель объединенной ячейки эсеров и меньшевиков. Находился в ссылке по «делу РСДРП меньшевиков». В 1936 году по окончании срока ссылки уехал из Архангельска.

17. **Касьянов Дмитрий Федорович** (1897 д. Русиново Сеннинский р-н БССР), бывший офицер армии Колчака. Арестован 3 ноября 1936 года (в один день с Христюком, Суровцовой, Филипповичем Е. Ф., Оленченко П. Е., Цапенко П. И., Яковлевой) как — украинский националист. 4 февраля 1937 года освобожден из-за «недостатка материалов» следствия.

18. **Качарава**.

19. **Квачадзе Герман Константинович** (г. р. 189?) расстрелян 1 марта 1938 года на Воркуте.

20. **Козлова Зинаида**, троцкистка. Жила на Обводном канале. В 1933 году выслана из Архангельска.

21. **Кушнер Михаил Матвеевич**. Сослан из Москвы. Бухгалтер в медицинском институте.

22. **Лангер Яков Борисович** (1905 Днепропетровск по другим данным — Ивангород, Уманский р-н, Киевская обл.), троцкист. Арестован в 1936 году. Лангер на допросе показал: *«В доме Сидоровых (Бориса Николаевича и Александра Андреевича) я жил с сентября 1934 по июль 1935 гг. Кроме того, там жили — моя жена — Сидорова Лидия Семеновна (ходила в загранплавание) и Сидорова Зоя Николаевна и адмсыльная — Суровоцова»*. Расстрелян 1 марта 1933 года на Воркуте.

23. **Лобыцына**, правая эсерка. Прибыла в Архангельск из Уфы в августе 1935 года.

24. **Лошкарев Вадим Евгеньевич** (1903 Киев — 1974 там же), теософ, дворянин, сын прокурора, научный сотрудник ЛГУ. Выслан из Ленинграда в Архангельск в 1935 году. В 1939–60 гг. работал в Институте физики АН Украины. С 1945 — академик АН УССР. В архангельской ссылке оказал большое влияние на будущего знаменитого хирурга и академика Н. И. Амосова, который много лет спустя вспоминал: *«В 1936 году с парапсихологией меня познакомил профессор физики Вадим Евгеньевич Лошкарев. В 20-х годах он активно занимался спиритизмом, за что и был сослан в Архангельск. Однако, будучи при этом материалистом, объяснял свое увлечение так: «Это другая физика»*.

(«Новая газета», 2002, 4–7 июля, стр. 9).

25. **Ляндау Эфроим Моисеевич** (1893 Польша), троцкист. Член Бунда — 1912–1913 гг. Член ВКП (б) — 1918–1928 гг. Образование высшее. В гражданскую войну — военком 11 армии. В 1926 году окончил Высшие кооперативные курсы Центробанка. В 1929 году арестован в Москве (жил по адресу: Стромьнка, 23–40). «Тройкой» приговорен к трем годам политзюлатора (Верхнеуральский). С 1933 года в ссылке в Архангельске. Жена — Анна Сергеевна Косвинцева. Член ВКП (б) с 1915 г. Дочь — Розалия, г.р. 1926, Москва. Арестован в Архангельске (Жил — пр. П. Виноградова, 105). 28.12.1933 года. При обыске найдена работа Троцкого «Проблемы развития СССР» (на 18 страницах). На допросе заявил: *«Считаю себя большевиком-ленинцем»*. 5 января 1934 года ОСО при коллегии ОГПУ приговорило Э. М. Ляндау к 3 годам концлагерей.

(АУД. П-3120 «По обвинению Ляндау»).

26. **Маслюченко Варвара Алексеевна** (1902 Харьков — 1983 Киев). Жена, отбывавшего срок на Печоре (1934–1943) украинского писателя

Остапа Вишни (Губенко). До революции — учащаяся. С 1917 года — служащая. Образование среднее общее и театральное незаконченное. В мае 1935 года по постановлению ГПУ Маслюченко было запрещено проживать на Украине, в Москве и в Ленинграде в течение трех лет.

В конце июня 1935 г. жила в Курске. Получив телеграмму от Губенко: *«Нам разрешено совместное проживание»*, — поехала к мужу в Ухт-Печлаг. Навещать родственников в Ухто-Печорский лагерь ехали через Архангельск пароходом в Нарьян-Мар (вместе со школьницей — дочерью Марией и Марией Ивановной Гжицкой — женой писателя и художника В. Гжицкого, тоже отбывавшего срок на Печоре). Проездом через Архангельск познакомилась с местной украинской ссылкой. В Ухт-Печлаге Маслюченко остаться не разрешили. По возвращении в Архангельск Н. В. С. помогла ей найти квартиру для жилья (Кегостров, Набережная, 18). С Суровцовой Маслюченко познакомилась еще в 1927–28 гг. в Харькове в литературном клубе имени Блакитного. В Архангельске Маслюченко нашла работу артистки в театре рабочей молодежи. По «делу» Олицкой (1936 г.) допрашивалась в качестве свидетеля.

ВОПРОС — *От кого и какие вы имели поручения в Харькове (перед отъездом из Курска в Архангельск и на Печору Маслюченко ездила в Харьков для устройства личных хозяйственных дел — Ю. Д.) и Курске к украинским националистам, находящимся в Архангельске?*

ОТВЕТ — *Не имела. До приезда в Архангельск я даже не знала, что здесь находятся Филипповичи Евгений и Николай, Христюк и Суровцева.*

Из других ответов Маслюченко:

— *С Гжицкой я познакомилась еще в Харькове, где жили в одном доме.*

В Курске тоже жили в одном доме. Из жен, осужденных украинских националистов в Курсе была жена Репы и ее сестра <> Гжицкая, так же как и я, прежде чем ехать к мужу на Печору заезжала в Харьков. Я встретила с ней в Москве. Из Харькова она уехала 13 июля. Я — 14 июля. По приезде в Архангельск остановились в гостинице на углу Виноградова и Пролеткульта.

У Гжицкой в Архангельске был знакомый Филиппович Евгений. Вернулась с ним. На 2-ой день к нам пришел Н. Ф. Филиппович. Пригласил к себе. Выйдя на улицу мы сразу встретили Христюка и все вместе (моя дочь тоже) пошли к Николаю Федоровичу ужинать. <> По возвраще-

нии из Ухт-Печлага, я говорила, что в Ухт-Печлаге находится Гирняк¹. Об этом мне сказала в Харькове его жена, и об этом же мне писал мой муж. От Суровцовой в Архангельске мне было известно, что Курбас находится в лагере на Медвежьей горе. Об этом мне говорила Суровцова примерно год назад. <>. Она познакомила меня с Назаром Петренко <>. А. Степаненко познакомил меня с Шегедой. Он же через Шегеду познакомил меня с Фурсеем (его предполагали назначить директором радиотеатра). Фурсей дал мне рекомендательное письмо к Новицкому, режиссеру «ТРАМа».

Больше из украинских националистов в Архангельске не знаю никого. <>

Евгению Филипповичу я говорила об аресте на Украине писателей: Досвитного, Ерчана, Курбаса, Гирняка, Речицкого, Соколинского, самоубийстве писателя Хвилевого. <> О контрреволюционной деятельности Суровцовой мне ничего не известно. Знаю, что она поддерживала связь с украинским националистом Г. Петренко, который находился в концлагере и от которого она получала информацию об арестованных украинских националистах. <> В Архангельске Суровцова познакомила меня с Зинченко, Лошкаревым, Н. Петренко и неким Кольцовым². Суровцова особенно интересовалась судьбой арестованного в Харькове писателя Досвитного³.

<> Олицкая рассказала мне, что в период Гражданской войны она под пулями на фронте в Киеве носила петлюровцам или белополякам продукты для питания. Это было в один из приходов националистических войск в Киев...

27. **Михалевич Анатолий**, троцкист. Ссылный в Никольске. Примерно 25 июня 1936 года Суровцова через учителя Никольского педтехникума А. М. Гомзякова передавала привет Михалевичу и, «что если условия позволят, она приедет в Никольск повидаться с ним». Михалевич был осужден на 5 лет и отправлен в Ухт-Печлаг.

28. **Оленченко Петр Ефимович** (25 августа 1898 года г. Гадяч, Харьковской области). Одноделец Суровцовой. Из семьи рабочего железнодорожника. Окончил гимназию и два курса Киевского университета. Служил в Петлюровском отряде два месяца. В 1933 году по постановлению тройки ОГПУ УССР сослан на 3 года в Севкрай. На одном из допросов в Архангельске показал:

-
- 1 Гирняк Иосиф Иосифович (1895—1989 Нью-Йорк) — ведущий артист театра «Березиль» Леся Курбаса.
 - 2 Возможно, композитор архангельского театра Петр Федорович Кольцов (1904 Баку — 1981 Архангельск).
 - 3 Досвитный Олесь (1891—1934). Писатель. В 1933 г. арестован в Харькове и расстрелян.

«В начале 1936 года моя жена Яковлева получила от Цапенко из г. Ромны письмо с вопросом сможет ли он устроиться в Архангельске. Я сказал жене написать ему, что сможет. По приезде он говорил об аресте бывших сотрудников газеты «Коммунист» — Любченко Николая Петровича, Журковского Владимира Миленцевича...». В Архангельске Оленченко работал экономистом-станочником в Краевой конторе треста кафе-ресторанов. Жил по адресу: Лопарская ул., д. 15.

29. Олицкий Дмитрий Львович (3 июня 1905 г. Курск — расстрелян 3 ноября 1937 года, Архангельская тюрьма). Эсер. Муж Н. В. Суровцовой.

«Младший из 5 детей в семье Олицких. Мать — из давнего знатного русского рода Халютиных, врач по профессии, отец Лев Степанович, сын богатого еврейского коммерсанта. Осужден по «процессу 193», народоволец, бежал из тюрьмы за границу; в Цюрихе получил высшее агрономическое образование: Для осуществления церковного брака принял православие. После возвращения в Россию (в 1890-х) был присужден к году тюремного заключения и 10 годам лишения права (и его жена тоже) проживания в губернских городах.

Весной 1922 г. Д. Олицкий закончил рабфак при Курском педагогическом институте и осенью 1922 г. вступил на сельскохозяйственный факультет Пречистенского института в Москве. После закрытия Института Олицкий в августе 1923 года перешел на физико-математический факультет 1-го Московского Университета. В апреле 1924 года Олицкий был арестован органами ОГПУ за принадлежность к кружку студентов-социалистов-революционеров и решением Особого Совецания лишен права проживать в 32 городах («минус 32») в течение 3 лет. До 1926 года жил в селе Поповка Курской губернии, затем переехал в Курск, преподавал химию и биологию в школе повышенного типа для взрослых. В 1927–28 гг. проживал на станции Удельная под Москвой, преподавал химию и биологию в разных школах 2-й ступени. С октября 1929 г. работал в школе-техникуме Центральной агробиостанции имени Тимирязева, откуда был уволен 23 октября 1930 года за отказ проголосовать за одобрение расстрела 48 лиц, осужденных «за вредительство».

12 января 1931 года Олицкий был безосновательно осужден Тройкой при ПП ОГПУ Московской области по статье 58–10 к заключению в концлагерь на 5 лет. 14 февраля 1932 года судебное заседание коллегии ОГПУ заменило прежнее решение Тройки на заключение в местах подведомственных ОГПУ на оставшийся срок. Олицкий был отправлен в Ярославский политизолятор. Тут 11.04.1932 г. волею

судьбы он оказался в соседней камере-одиночке с *Надией Суворцовой*. Перестукиванием через стенку тюремной азбукой они познакомились, полюбили один другого и решили навсегда связать свои судьбы. Когда осенью 1932 года закончилась *Надийчина «пятерочка»* она попросила начальника политизолятора заменить ей три года ссылки тремя годами изолятора, чтобы быть рядом с мужем. Этого не позволили.

28 сентября 1935 года решением ОСО при НКВД СССР по согласованию с ЦИК СССР *Олицкий* был сослан на 3 года в *Архангельск*.

[См. именной указатель к книге: *Надія Суворцова. Листи...*, стр. 667. Автор статьи о Д. Л. Олицком — Алла Ивановна Барина (Киев)].

В Архангельске Д. Олицкий работал техником Горзеленстроя. Арестован 14 апреля 1937 г. по делу «Северного областного комитета контрреволюционной эсеровской организации».

30. **Ольховой Марк Соломонович**. В 1931 г. находился в Архангельске в ссылке.

31. **Палатников**, троцкист.

32. **Певзнер Зельма Марковна** (1903 Смоленск), троцкистка. Жена — Я. Д. Зайцева. Окончила 2 курса Литинститута. В 1928 г. примкнула к троцкистскому комсомольскому молодежному центру. В 1929 году выслана на Урал. В 1931 — в Семипалатинск и Алма-Ату. С октября 1932 г. в Архангельской ссылке. Прибыв в Архангельск, остановилась у Козловой Зины на Обводной канале. Находясь в ссылке в Красноярске, Барнауле, Шадринске, Алма-Ате, Архангельске поддерживала связь с лидерами троцкистской оппозиции Раковским, Мураловым, Сосновским и через них с Троцким. 1-й муж Певзнер — журналист Александр Александрович Шаги-Ахметов тоже был сослан в Шадринск (по словам его матери, жившей в Москве он погиб по время немецкой оккупации в Ростове-на-Дону).

Со 2-м мужем — Я. Д. Зайцевым Певзнер познакомилась в Шадринске. В 1934 году он приехал к ней в Архангельск. В августе 1936 года он арестован и расстрелян на Воркуте 1 марта 1938 года.

Один брат З. Певзнер — Самуил Яковлевич Певзнер — участник революционного движения в Смоленске. Эмигрировал в Италию. Вернулся после февральской революции в Россию. Работал журналистом. После Октябрьской революции — референт в НКВДе. В 1926 г. направлен в Италию. Из загранкомандировки не вернулся. После второй мировой войны жил в США. Второй брат — Хокон. До 1928 г. работал в Наркомфине. Сослан за троцкистскую деятельность (в Челябинск), умер в 1944 году.

В 1948 году З. М. Певзнер работала старшим экономистом в Северном геологическом управлении. В 4-й раз была арестована «за антисоветскую троцкистскую деятельность». При обыске изъяты работы Каутского, Плеханова, Л. Сосновского, А. К. Воронского, Джона Рида... И переписка — около 400 писем.

5 июня 1948 г. ОСО МГБ СССР приговорило З. Певзнер к 10 годам «особых лагерей».

(АУД. П-7876 «По обвинению Певзнер З. М...»).

С Н. В. С. Певзнер познакомилась в сентябре 1933 года.

«От троцкиста Бельского я знала, что Суровцева говорила, что в Ярославском политизоляторе она была оторвана от политической жизни, но сейчас считает себя наиболее близкой троцкистам. <> Примерно в марте 1934 года мы вместе с ней сели в трамвай на углу улицы Карла Либкнехта. Перед тем я купила газету. Когда я развернула газету, то увидела опубликованное там заявление Х. Г. Раковского об отказе от троцкизма. Я в связи с этим высказала Суровцовой-Олицкой мнение, что согласна с основными положениями этого заявления. На что она усмехнулась и заявила, что она не понимает, как можно согласиться с этим заявлением».

(Дело «По обвинению Олицкой-Суровцовой...». Допрос свидетельницы Певзнер 28 января 1937 года).

33. **Петренко Анна.** Жена Н. А. Петренко. Работала в типографии имени Склепина, вместе с Н. В. С.

34. **Петренко Назар Антонович** (1891 с. Бережовка, Прилукского уезда). Член ЦК УПСР. Осужден по «делам» УПСР (1921 г.) и УНЦ (1931 г.). Сослан в Северный край на пять лет. Расстрелян.

35. **Плеханов Иван Андреевич** (1896 с. Ермаково, Сызранский у. Симбирская г.). 1914–1920 член ПСР центристов (участник III съезда ПСР в Москве в 1917 г.). В 1918 г. в Самаре при Комуче состоял в эсеровской боевой дружине. В 1918–20 гг. член Губкомов ПСР в Самаре, Приморье, Забайкалье. Учился в Дальневосточном университете. В 1920 г. арестован ЧК в Чите. Сослан в Среднюю Азию. В 1930 г. в Ташкенте, осужден на три года политизолятора (отбывал в Верхнее-Уральском). Затем сослан в Архангельск. Жена — Соловьева Мария Андреевна. Жили по адресу: пр. Новгородский, 53-А-2. Плеханов служил старшим экономистом в Севкрайконторе «Хлопкосбыт». Арестован 3 мая 1935 г. На допросе заявил: *«Я еще в политизоляторе решил дать систематизированное изложение философско-социологических взглядов Михайловского 500-600 страниц и предложить одному из издательств СССР с любым предисловием».*

За «подготовку к изданию нелегальной эсеровской литературы» по постановлению ОСО НКВД сослан в Тобольский край на 5 лет. Расстрелян 17 апреля 1937 г. в день рождения сына. Сын И. А. Плеханова — Олег Иванович Соловьев о расстреле отца узнал только через 64 года (в ответ на запрос Олега Ивановича пришло письмо из Тобольского ФСБ) — 17 апреля 2001 года в день своего 75-летия! По показаниям Певзнер (1937) *«Суровцова говорила, что теории эсера Плеханова очень интересны, и что она хочет заняться этим вопросом»*.

(АУД. П-130006 «По обвинению Плеханова»).

36. **Познанский**, троцкист, скрипач. Возможно — это секретарь Троцкого — Г. Познанский.

37. **Приходько Антон Терентьевич** (1891 ст. Н-Рождественская, бывшая Кубанская область), шумкист. Секретарь компартии Украины — 1917–1920 гг. Председатель коллегии Госиздата — 1920–1929 гг. Полпред УССР в Москве — 1922–1924 гг. Полпред УССР в Праге — 1924–1926 гг. Председатель суда на процессе СВУ. Арестован 31 декабря 1933 г. в Харькове. Занимал посты наркомюста и генпрокурора. Жил — Пушкинская, 49–10. В июле 1934 года Тройкой ОГПУ осужден как член УВО на 10 лет концлагерей. Первые два года был на Вайчаге (бухта Амдерма). Затем — Чибью. Расстрелян (по постановлению Тройки НКВД АО от 21 декабря 1937 г.) — 29 января 1938 г. Вместе с ним расстреляны:

— Щепкин Иван Иванович (1898 г. Уфимская г.), бывший колчаковский офицер.

— Музыченко Николай Петрович (1893 Галиция), был в банде Петлюры. Член УВО. Член компартии в 1915–1916 гг. Помощник прокурора Верховного Суда Украины. Арестован в 1927 г.

— Иванов Владимир Васильевич (1903 Ленинград). Член компартии в 1919–1935 гг. Замдиректора Второго медицинского института в Ленинграде. В 1935 г. за троцкистско-зиновьевскую деятельность осужден на три года.

Все четверо расстреляны за то, что: *«отбывая срок в Ухт-Печлаге создали контрреволюционную группу...»*.

(АУД. П-7576 «По обвинению Приходько и др.»).

38. **Раснер Саул Моисеевич**, эсер, один из руководителей «контрреволюционной организации Камкова»

39. **Розенгауз Илья Самойлович** (1896 Черкассы, Киевская обл.), троцкист. Член Бунда — 1915–1918 гг. Член Компартии — 1919–1927 гг. Окончил в 1923 г. Киевский институт народного хозяйства. С 1926 г. входил в Украинский троцкистский центр. В 1927 г. — основной руководитель троц-

кистской организации на Украине. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) за принадлежность к оппозиции «марксистов-ленинцев». В 1928 г. выслан в Енисейск. В 1932 г. жил в Москве. 22 ноября 1932 года коллегия ОГПУ приговорила его за принадлежность к троцкистской оппозиции к 3 годам политизолятора. В 1934 году направлен в ссылку в Северный край. В Архангельске работал экономистом на строительстве маймаксанского гидролизного завода. Арестован 20 февраля 1936 года (по этому «делу» осуждены вместе с ним еще восемь ссыльных троцкистов: А. Б. Блюм; М. К. Лазько (Лазько Михаил Константинович, г. р. 1887 Харьков, расстрелян 1 марта 1938 года на Воркуте); Л. Г. Брин; Я. Б. Лангер; Л. Е. Аронов; И. Х. Панайоти; Н. Я. Злотченко; Л. Б. Рац). Все были приговорены к пяти годам.

Розенгауз на одном из допросов показал: *«Я знаком с Суровцовой по совместной работе в Севлеспромстрое в Архангельске. Она работала экономистом-статистиком. Хотя она мне напомнила, что знает меня по Харькову».*

По постановлению Тройки НКВД по АО от 5 января 1938 года *«За проповедь троцкизма в тюремной камере» Илью Розенгауза расстреляли 13 января 1938 г.*

(АУД. П-9262 (1938) «По обвинению Розенгауза...».

П-9550 (1936) «По обвинению Розенгауза... и др.»).

40. **Решетниченко Владимир Иванович** (1894 Тирасполь), троцкист. Образование — высшее. 7 октября 1936 г. он и еще 4 человека были приговорены к «ВМН» Военной комиссией Верховного Суда СССР.

41. **Ростик Владимир Александрович** (1895 Балашовский у. Саратовской г.), эсер. Работал в типографии им. Склепина, заведовал издательством «Правда Севера».

42. **Самойлов П.** «Правый» украинский националист.

43. **Сачковская Антонина (Ангелина) Феофиловна.** Жена И. Ф. Цокало.

44. **Светличный Владимир Михайлович** (г. р. 1898 Харьков), украинский националист. Арестован 3 ноября 1936 года в Вологде по «делу» Суровцовой. 4 февраля 1937 года освобожден, т. к. «недостаточно материалов». «Материалов», видимо, нашли. Н. В. С. упоминает Светличного в мемуарах среди тех с кем ее из Архангельска повезли на Колыму.

45. **Степаненко Аркадий Степанович** (1889 с. Пирого, Украина, Глобинский р-н, Харьковской обл.), украинский националист. Экономист Госбанка. Жил по адресу: П. Виноградова, дом 100 (в этом же доме находился Архангельский краевой музей, описанный Н. В. С. в рассказе «КЭ» — Ю. Д.), кв. 13. Член ПСР с 1905 года. Член УПСР — 1912–1923 гг. В 1907 году сидел

в тюрьме в Умани один год. Затем три года ссылка в Тобольскую провинцию. После ссылки все время под надзором полиции.

С 1906 года член комитета ПСР в Умани. С 1917 года секретарь ЦК Украинского крестьянского Союза и член Центральной Рады, член ЦК УПСР. Жена — Степаненко Ольга Григорьевна, 1885 г.р. Дети — Собко Вадим Николаевич¹, 1914 г.р., учащийся Киевского университета. Собко-Снегирева Наталья Николаевна, 26 лет, преподаватель средней школы в Харькове².

1 Собко В. Н. стал одним из самых преданных Советской власти писателей. Умер в 1981 г.

2 *О сыне Натальи Собко-Снегиревой — украинском писателе Гелии Снегиреве (г. р. 1927) русский историк Михаил Геллер в польском журнале «Культура» (Париж) писал 6 августа 1977 г.: «В 1974 г. исключен из Союза писателей «по идеологическим мотивам с запрещением печататься». Был он исключен и из Союза кинематографистов, тоже с запрещением работать в кино. Тогда же очень серьезно заболел, почти ослеп. И все же успел закончить «лирико-публицистическое исследование» «Мама, моя мама...» Гелий Снегирев собрал материал — в газетах, в беседах с современниками — о процессе т.н. СВУ, Союза вызволения Украины. Сфабрикованный от начала до конца ГПУ, процесс этот закончился осуждением на тяжелые лагерные сроки 45 крупных украинских ученых — историков, лингвистов — во главе с академиком Ефремовым. Писатель заинтересовался старым процессом, одним из многих, ибо свидетелем выступала на судебном заседании его мать, бывшая в 1930 г. школьницей. «Я... хочу понять, — пишет Гелий Снегирев, — и взвесить, какую тяжесть должна была носить мама в душе своей все годы до самой своей преждевременной смерти в 36 лет, если ей в самом деле пришлось свидетельствовать против друзей своей юности — ни в чем не повинных, как она отлично о том знала». Написав книгу, Гелий Снегирев решил передать ее для издания за границей, оставаясь в Харькове. «Я передал на Запад рукопись своего произведения, — говорит писатель в предисловии, — потому что мной это произведение написано. Когда литератор вещь напишет, он хочет выстраданный свой труд держать в руках книжечкой, изданной многими экземплярами, дошедшей до читателей. У себя на Родине я этого не мог...»*

Книгу Гелия Снегирева напечатал журнал «Континент». Когда был опубликован проект брежневской Конституции, писатель направил письмо правительству, заявив об отказе от советского гражданства. С удивительной смелостью, не оставляя никаких сомнений относительно своего отношения к режиму, Гелий Снегирев с беспощадной резкостью характеризует новую Конституцию: «Ваша Конституция — ложь от начала до конца... Ваша Конституция продиктована политической охранкой, которой в СССР подвластно все, без которой и дня не протянет ваш лагерный режим». Украинский писатель заявляет, что не хочет быть гражданином государства, лишившего его прав и свобод, не хочет

Арестован в 1931 году по «делу» УНЦ и сослан на три года в Севкрай. После ссылки остался жить в Архангельске. Арестован 10 февраля 1937 года. 21 июля 1937 г. приговорен ОСО к пяти годам концлагерей. 29 сентября 1937 г. прибыл этапом в г. Бухта Нагаево Севвостлаг НКВД. 19 апреля 1938 года арестован «за пропаганду». Увезен в Киев и там 5 сентября приговорен к «ВМН».

(АУД. П-12574 «По обвинению Степаненко»).

46. **Уйтенхофен Александр Владимирович** (г. р. 1887 Москва), анархист. В 1918–1930 гг. служил в Красной Армии. Штаб РВС Республики и штаб РККА (помощник начальника разведки и оперативного отдела) — 1918–1925 гг. В 1920 г. получил именные золотые часы от ВЦИК за службу в Красной Армии. Секретарь военного атташе в Латвии — 1920–1921 гг. Окончил исторический факультет МГУ в 1922 г. В 1920-х вместе с женой участвовал в мистическом движении в Москве.

В 1931 г. по постановлению ОСО выслан в Севкрай на три года (а его жена — Уйтенхофен (Иловайская) Ирина Николаевна выслана в Ташкент). По окончании срока в октябре 1934 г. остался жить в Архангельске.

В момент ареста — 14 февраля 1935 года Уйтенхофен был техническим директором Севкрайиздательства и жил по адресу: Поморская, 80–1.

На допросе заявил: «*Считаю себя анархистом с 1915 года по настоящее время*». При аресте у него были изъяты «контрреволюционные рукописи»: Триолеты — «Снежная весна» (9 листов) и «Волшебный роман или описание совершенно не интересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей» (285 страниц).

быть гражданином государства, «которое дохозяйничалось до того, что вынуждено на высокие скрижали Основного Закона персонально выводить скот и птицу, содержащиеся в подсобном хозяйстве граждан». «Наконец, — заявляет Гелий Снегирев, — я не желаю более оставаться гражданином государства, которое уничтожило элиту моего украинского народа, лучшую часть крестьянства и интеллигенции, извратило и оболгало наше историческое прошлое, унизило настоящее. Вы лишили моих соотечественников-украинцев национального достоинства, вы добились от нас того, что мы боимся и не хотим называться украинцами».

См. (Михаил Геллер Российские заметки. 1969–1979 М., 1999, стр. 398-399). Гелий Снегирев был арестован КГБ в сентябре 1977 г., а затем полностью парализованный, фактически ослепший, он был «помилован» гуманной советской властью и выпущен на «свободу» умирать под наблюдением чекистов в палате киевской Октябрьской больницы. Гелий Иванович Снегирев умер 28 декабря 1978 г.

В чекистской «справке» читаем: *«В своем романе Уйтенхофен описывает жизнь заключенных в трудовых лагерях и административно высланных. Уйтенхофен пишет, что весь Север заселен живыми призраками, двумя миллионами людей, исполняющими обязанности лошади. Что весь лесной экспорт производится руками государственных рабов-заключенных в концлагерях, спецпереселенцев и административно высланных. В романе Уйтенхофен распространяет клевету об органах ОГПУ, о существующих якобы расстрелах, о торговле людьми, о существовании принудительного труда...».*

Оставил Уйтенхофен и описание города Архангельска тех лет:

«Недавно в городе силами местных любителей разыграна отвратительная комедия под названием «Северный краевой съезд» (февраль 1930). Проходил под лозунгом «Долой клевету о принудительном труде». Актеры произносили негодующие речи... <> ГПУ хозяин края, но плохой хозяин <> На съезде был норвежский консул. В газетах писали, что он «улыбался». <>

«У этих людей не осталось ничего. Они сами стали ничем. Они не хотят и не умеют бороться. Они не хотят и не умеют умирать. Как белые призраки они двигаются среди белого снега. И только немногие, да и то только первое время, еще имеют силы думать».

С Уйтенхофеном Н. В. С. познакомилась в типографии им. Склепина.

26 мая 1935 года Уйтенхофен ОСО НКВД был приговорен к 3 годам концлагерей и отправлен в Сиблаг (Мариинск).

(АУД. П-5282 «По обвинению Уйтенхофена...»).

Бывший комбриг А. В. Уйтенхофен умер в 1966 году в Заостровском инвалидном доме в Архангельске. Ирина Иловайская умерла в 1995 году в Ташкенте.

47. Федчишин Степан Васильевич (1899 Галиция, г. Бережаци с. Жуково), украинский националист. Образование — высшее, педагог. В 1933 году приговорен к 3 годам концлагерей. Затем ссылка в Шенкурск и с июля 1936 года в Архангельск. Безработный. Паспорта как ссыльный не имел. Жил по адресу: Петроградский, 54.

Из допроса свидетеля Федчишина:

«Христюк говорил мне, что его книга «Материалы к истории революционного движения на Украине» — единственная по ценности, собранных в ней материалов, так как написана на материалах Центральной Рады и других национальных правительств. Эти материалы он передал верным людям в украинский социологический институт в Вене и полагает, что он может и сам использовать. Архивы эти по исто-

рической значимости весьма ценны. <> Жена Христюка периодически приезжает в Архангельск <> Христюк говорил, что ему как Шевченко в царское время «запрещено писать и рисовать».

47. Филиппович Евгений Федорович (1889, с. Степановка, Васильковский у., Киевская обл.), украинский националист, «подельник» Н. В. С. Сын священника, отец умер в 1900 году. В 1915 г. окончил Киевский коммерческий институт. Член Всеукраинского Союза Потребительских союзов (Днепросоюза). В 1932 году замторгпреда Украины в Варшаве. В 1932 г. по делу Украинского Националистического центра осужден ОСО ОГПУ на 5 лет концлагерей. В 1933–34 сидел в Байкало-Амурском лагере. В Архангельске жил по адресу: ул. Петроградская, 201–9. Работал экономистом-финансистом в Севмясопромтресте.

Жена — Филиппович Анастасия Елисеевна, 1897 г.р.

Сын — Филиппович Роман Евгеньевич, 1917 г.р. Жил в Харькове.

48. Филиппович Николай Федорович (1894 д. Степановка, Васильевский у., Киевская обл.), украинский националист, «подельник» Н. В. С. До революции — студент. В 1917 г. окончил Киевский коммерческий институт. В 1917 г. сидел в тюрьме «дней 10–14» за участие в Шевченковской демонстрации.

Член УПСР в 1917–1919 гг. При Деникине в 1919 г. сидел 1,5 месяца в тюрьме за националистическую деятельность. В 1920 г. — 4 месяца тюрьмы по делу группы полтавских кооператоров. В 1930 г. арестован по делу УНЦ. В 1932 г. приговорен к 3 годам концлагерей. Отбывал срок, в том числе и на Соловках. Затем три года ссылки в Севкрай. В Архангельске работал начальником торгового отдела в Тресте ресторанов и кафе. Жил на Петроградском, 201–9.

Жена — Филиппович Елена Васильевна, 1896 г.р.

Сын — Филиппович Юрий Николаевич, 1918 г.р.

Сын — Филиппович Орест Николаевич, 1923 г.р.

Жена и сыновья проживали в Харькове.

49. Фридлянд Соломон Моисеевич (1905 г.р. с. Пуховичи, Минская обл.), троцкист, безработный. Арестован 4 апреля 1934 г. по постановлению ОСО от 28 июня 1934 года, сослан в Казахстан.

50. Фурсей Николай Андреевич (10 июля 1897 хутор Воздвиженский, Ямпольский р-н, Сумская обл.), украинский националист. О Фурсее в 1995-ом году у меня был опубликован очерк «Театральное дело» в Архангельске» в местной архангельской газете. Сейчас, в 2004 году, слова «Гулаг», «репрессии» в архангельских СМИ почти не встретишь... Есть смысл ту

статью целиком републиковать здесь хотя бы для понимания ментальности туземцев-поморов...

Рубрика: «Прошлое и настоящее».

«Театральное дело» в Архангельске.

«Судебная коллегия Архангельского областного суда в результате заседаний 23–24 июня 1941 г. приговорила Н. А. Фурсея, И. Д. Калугина, Б. А. Соколовского к длительным срокам лишения свободы.

Все трое были широко известны в культурных кругах предвоенного Архангельска.

В аннотированном указателе имен, составленном петербургским исследователем А. И. Добкиным к воспоминаниям нашего земляка, известного историка Н. П. Анциферова читаем: «Фурсей Николай Андреевич — экономист, скрипач и художник-силуэтист во время войны был арестован и погиб в заключении». (Н. П. Анциферов. «Издум о былом», Москва, 1992 г., стр. 507).

Теперь можно рассказать о судьбе Н. А. Фурсея и его товарищей более подробно.

Первым, 25 января 1941 г., был арестован Игнатий Дмитриевич Калугин, работавший педагогом в театральном училище и режиссером в театре юного зрителя, который и сегодня вспоминают добрым словом старые архангелогородцы. К сожалению, история Архангельского ТЮЗа до сих пор не написана. Режиссер И. Д. Калугин родился в 1884 г. в Петербурге, происходил из потомственных почетных граждан. Жизнь прожил бурную. В Петербурге учился в знаменитой 12-й гимназии, затем в театральном училище, учился также в Германии. Более десяти лет, начиная с 1915 г., Калугин работал в Мариинском театре. В 1924 г. в составе труппы, в которую входили В. И. Лихачев, В. П. Юренева, П. Н. Орленев, выезжал на гастроли в Ревель. Более полугодя работал тогда Калугин в Русском театре Ревеле. В 1927 г. его арестовали за «антисоветскую статью о советском театре» и «связь с эстонской контрразведкой». Приговор — 10 лет лагерей — отбывал на Соловках, в Устьлаге (Кемь) и Свирьлаге. После освобождения местожительством ему определили Архангельск, где он работал в Большом театре один сезон в качестве режиссера...

Фурсей Н. А. родился 10 июля 1897 года на хуторе Воздвиженском Ямпольского района Сумской области, на Украине. Судьба тоже бурная. Отец — агроном, управляющий имением. Мать (урожденная Неплюева) — домашняя хозяйка. Фурсей учился в Киевском коммерческом училище, три года сражался в рядах белых армий. Эвакуировался в Египет.

Был в лагерях под Каиром, которые так красочно описал И. Калинин. Вернулся в Россию, как и многие тогда. В 1927 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило Фурсея к трем годам концлагерей. Срок отбывал в Кемпи, там и состоялось его знакомство с Калугиным, а также отбывавшей срок по делу Анциферова Верой Петровной Герман (дочь известного педагога Германа), преподавательницей литературы и истории. В. П. Герман стала женой Фурсея. После освобождения они поселились в Архангельске, где Николай Андреевич стал председателем правления Архангельского товарищества «Художник», а Вера Петровна завучем театрального училища. 28 февраля 1941 г. он был арестован.

Третий в группе — Соколовский Болеслав Антонович, литовец, был значительно моложе своих подельников. Он родился в Киеве в 1905 г. Вся жизнь его была связана с театром. Работал актером антирелигиозного театра в Москве, а затем около 10 лет актером-режиссером театра сатиры и театра Красной Армии в Киеве. В Архангельск приехал в 1940 г. и работал в ТЮЗе, там же работала и жена Калугина — актриса М. М. Семенова.

Фурсей, имевший профессию экономиста, работал в Северном геолого-разведочном тресте по этой специальности и по вечерам играл на виолончели в оркестре Архангельского театра. Большой популярностью пользовались его силуэты, вырезанные из черной бумаги ножницами без помощи рисования и затем наклеенные на белую бумагу. Как отмечалось в 1935 г. в архангельском журнале: «Это только небольшая часть той работы, которую посвятил художник нашему Северу к предстоящей выставке графики» («Северная звезда», 1935 г., № 3, Н. А. Фурсей, «Север в силуэтах»). Осенью 1937 г., когда в Архангельске шли повальные аресты, а трамваи по ночам возили арестованных, Фурсей уехал в Ленинград, к матери жены, и работал там, в Эрмитаже и Русском музее, спасшись, таким образом, от расстрела.

Повод для ареста Н. А. Фурсея — элементарен. Во второй половине января 1940 г. в Архангельское управление НКВД поступило «заявление» (т. е. — донос. — Ю. Д.) об «антисоветской агитации бывшего председателя товарищества архангельских художников Фурсея». Содержание доноса, хотя и писал его писатель, удостоившийся впоследствии в нашем городе мемориальной доски, тоже немудрено: в ноябре 1940 г. он (Фурсей. — Ю. Д.) возводил злостную антисоветскую

клевету на руководство ВКП (б) и членов советского правительства. В декабре — рассказал антисоветский анекдот...

По мере следствия количество «преступников» все возрастало. В особое судопроизводство были выделены дела в отношении известных архангельских художников В.Г. Постникова, С.Г. Григорьева (уроженец Архангельска Виктор Гаврилович Постников был председателем Союза художников в Архангельске), жены Фурсея В.П. Герман и жены Б.А. Соколовского Г.П. Добржанской. Нити потянулись и в Москву к профессору Алексею Александровичу Рыбникову... Обвинения в «антисоветской агитации» следователям, видимо, казалось мало. Из Фурсея, например, пытались выбить признание и в «шпионской» деятельности...

В итоге судебная коллегия Архангельского областного суда приговорила Фурсея к 10 годам лишения свободы, Соколовского к пяти. Они были признаны «виновными ...в проведении в 1940 г. контрреволюционной агитации, клевете на советские законы, восхвалении капиталистического строя, высказывании пораженческих настроений».

Обычная и трагическая история тех лет. Писатель, донесший на Фурсея, был его хорошим приятелем, жил неподалеку, «по-соседски» заходил к нему в гости.

В 1958 г. дело Н.А. Фурсея, И.Д. Калугина, Б.А. Соколовского по протесту в порядке надзора Прокуратурой РСФСР было пересмотрено.

P. S. Одна из целей этого очерка, помимо рассказа о его героях, напомнить членам комиссии по топонимике, которая, как сообщили газеты, вроде собирается возобновить свою деятельность (кто, кстати, входит в эту комиссию?), — пора поменять в Архангельске названия улиц, увековечивших имена доносчиков и погромщиков...¹

Пожалуй, именно система доносов, процветавшая в Советском Союзе, и поражает больше всего рядовых американцев, с которыми мне довелось общаться во время пребывания в США: «Сын доносит на отца, жена на мужа, и это считалось у вас в России в порядке вещей?» — неоднократно спрашивали меня американцы... Выходит, что так... На миллионы арестованных — миллионы доносчиков. Даже памятник доносчику поставили в Москве.

(Газета «Правда Севера», Архангельск, 1995, 22 июня).

¹ Наивный призыв. Ничего не поменяли «вольнoлюбивые» поморы-туземцы. Наоборот, добавили. По всему городу навесили «мемориальных досок» в честь чекистов-особистов, сталинцев. На очереди — улица и бюст в честь генерала КГБ, курда Гейдара Али Рза оглы Алиева... (Примечание 2005 года).

Из концлагеря Фурсей не вышел. Его расстреляли 12 сентября 1941 г. Предположительно — на одной из командировок «Кулойлага» в д. Лявля под Архангельском. В сущности, вся Архангельская область (по территории — четыре Франции), это — огромный безымянный Бабий Яр, Куропаты, Катынь...

51. Христюк Павел Аникиевич (1890 ст. Елизаветинская, Краснодарский р-н, Кубанская обл.), украинский националист. Одноделец Н. В. С. Сын казака-кубанца. В 1917 г. окончил Киевский политехнический институт.

В Архангельской ссылке с апреля 1935 г. Здесь же находились «однодельцы» Христюка по политическим процессам на Украине в 1921, 1931 годах — М. Н. Бялич, Аркадий Степаненко, братья Филипповичи.

Выписки из протоколов допросов Христюка в Архангельске в 1936 году:

1. *«Суровцева помогла мне снять квартиру в Архангельске».*

2. *«Маслюченко говорила мне, что по делу ее мужа арестованы писатели — Гжицкий, Слесаренко, Пилипенко Сергей»*

3. *«Во время декады украинского искусства в Москве Евгений Филиппович ездил туда и говорил с академиком П. Тычиной, Тычина интересовался положением Е. Филипповича в Архангельске. Много разговоров об искусстве у Е. Филипповича было с Кардальским и Кудриком».*

4. *«Постышев опубликовал в «Большевике» (весна 1936 — Ю. Д.) статью о разгроме украинских националистов. Я обсуждал ее с А. Степаненко. Он сказал, что Постышев главный проводник жестокой политики к украинской интеллигенции. Ее массовых арестов, причем всех оттенков <> Арестовали талантливых писателей, оставляя бездарных».*

5. *«Евгений Филиппович говорил мне, что в Алма-Ату сосланы наши однодельцы: Колиух Дмитрий Викторович; Высочанский; Мазуренко В. П.; Баланин».*

6. *«Наш одноделец Христовой был арестован позже нас. Был в ссылке в Вологде. Е. Ф. с ним там встречался. В Харькове они вместе работали в области искусства».*

7. *«С украинским писателем Панч я жил в Харькове в одном доме».*

8. *«Е. Ф. говорил мне, что поддерживает связь с нашим однодельцем Шраг в Саратове и ведет с ним переписку».*

9. *«Фамилию Чистяков не знаю».*

10. «Я был в Вене в 1920—23 годах и написал работу в 6 томах «Заметки и материалы к истории революции на Украине» по договору с Грушевским. Рукопись была сдана в Украинский социологический институт. При мне институт напечатал 4 тома, Архивов Украинской Рады я не вывозил. Напечатаны ли те 2 тома, я не знаю. Грушевский в 1924 г. их не привез».

11. «Я был членом Центра УНЦ. Имел полный контакт с УВО. Ее представителем в нашей организации был Григорий Коссак, бывший офицер австрийской армии. Он был связан с Грушевским, руководителем УНЦ и Чечелем, членом Центра УНЦ. Из руководителей УВО я знал Яворского. УНЦ координировало свою работу с шумкистами. Шумский вел переговоры с Филипповичем Евгением, членом Центра УНЦ, через Максимовича. Мы знали, что Шумский в 1926—27 гг. вел острую борьбу с партией за свою украинскую националистическую линию. Другие члены центра УНЦ: Шраг, Чечель, Мазуренко. Шумский провалился и уехал с Украины. Приходько — шумкист.

В 1926—27 гг. я был связан с шумкистской литературной группой «Валпите» («Всеукраинская академия пролетарских писателей» — Ю. Д.). Во главе ее стояли — Хвилевой и Кулиш. В 1927—28 гг. эта группа ликвидировалась».

12. «В Вене знал Коцюбинского, торгпреда УССР. О том, что он троцкист узнал уже в Архангельске из советской прессы. В Архангельске в Госбанке знал троцкиста Злотченко».

Последний допрос Христюка был 3 февраля 1937 года. Допрос вел капитан ГБ Райберг.

ВОПРОС — Расскажите о Вашей контрреволюционной связи с Олицкой-Суровцовой?

ОТВЕТ — Ее я знаю по загранице. Встречал в обществе Мазуренко, Шрага и Чечеля. Олицкая-Суровцова стояла тогда на антисоветских позициях. Уже находясь в Харькове, я узнал, что она тоже возвратилась из-за границы в Советскую Украину и выдает себя за австрийскую коммунистку, что меня крайне удивило — об этом мне стало известно от Чечеля.

В 1931 году Христюк работал научным сотрудником института литературы на Украине. Был арестован 2 марта 1931 года по «делу УНЦ» и осужден на 5 лет концлагерей. 21 января 1933 года его осудили на три года ссылки. В Архангельске Христюк работал экономистом в Севкрайконторе треста ресторанов и кафе. Жил по адресу: Комсомольская, 11—2.

Жена — Христюк Марфа Афанасьевна, 1880 г.р., домохозяйка.
Дочь — Христюк Наталья Павловна, 1918 г.р., студентка мединститута, живет с матерью.

По «архангельскому делу» 1937 года П. А. Христюк осужден на 8 лет концлагерей. Умер 29 сентября 1941 года в Севвостлаге (бухта Нагаево).

52. Цапенко Петр Иванович (21 октября 1897 г.с. Беяки, Селиновского района, Харьковской обл.), украинский националист, одноделец Н. В. С.

Сын кулака. После революции учился и учительствовал. Затем литературный работник. В 1926–27 гг. работал в газете «Коммунист». В январе 1935 г. был арестован Розенфельд, сотрудник харьковского издательства «Украинский рабочий», в котором работал Цапенко (Розенфельд оказался автором троцкистской книжки «Азбука профдвижения»). Директор издательства Езерский был снят с работы. Цапенко исключили из профсоюза и уволили с работы. Был 8 месяцев без работы (как сына «кулака» никуда не брали). Уехал в Ромны, Черниговской области. Там тоже не смог найти работы в течение трех месяцев не смог устроиться и, чтобы: «не быть привезенным», сам в марте 1936 года приехал в Архангельск.

Работал преподавателем математики 2-ой школы для взрослых Октябрьского района. Жил по адресу: ул. Чумбарова-Лучинского, 9–130.

Жена — Синявская Татьяна Павловна.

53. Цойриф Дина Исааковна (г.р. 1900 Киев), анархистка, трижды судимая. В 1932–35 гг. отбывала срок в Ярославском политизоляторе. С 1935 г. отбывала трехгодичную ссылку в Архангельске. Арестована по «Делу Камкова». Расстреляна по постановлению тройки НКВД по АО от 23 октября 1937 года.

54. Цокало Игнатий Федотович (1895 с. Дубровка, Лысенковский район, Киевской обл.), украинский националист. Бывший поручик-деникинец, священник в 1921–27 гг. В 1930 г. сослан в Архангельск. Работал бухгалтером в тресте ресторанов и кафе.

Жена — Сачковская Ангелина, г.р. 1900.

Дочь — Любовь, г.р. 1919.

Все жили по адресу: Олонецкая, 25–2. В Архангельске Цокало познакомился с видными украинскими деятелями П. Христюком, Н. Филипповичем...

13 января 1938 года по постановлению тройки НКВД по АО от 4 января 1938 г. И. Ф. Цокало «за контрреволюционную пораженческую и антиколхозную пропаганду» — расстреляли.

(АУД. — П-15758 «По обвинению Цокало...»).

55. Шегеда, ссыльный.

56. **Шефурко Тарас**. Осужден по делу УНЦ. Отбывал срок на Вайчаге.
57. **Эпштейн Белла Хаимовна** (г. р. 1898). Решением тройки НКВД по АО от 11 января 1938 года приговорена к ВМН.
58. **Юдин Михаил Лазаревич** (г. р. 1877 Бахмут), еврей, сапожник. В 1934 г. сослан в Архангельск.
59. **Юрковский Борис Борисович** (г. р. 1903 Нижний Новгород), эсер. 6 февраля 1937 г. арестован по «Делу Камкова». Расстрелян по приговору Верховного суда СССР от 25 апреля 1938 года.
(АУД. П-6105 «По обвинению Юрковского... и других», в трех томах).
60. **Яковлева (Оленченко) Александра Петровна** (1897 с. Васильевка, Полтавской г.), украинская националистка, подельница Н. В. С. Отец служил в Земской управе. Окончила 7 классов гимназии. С 1915 г. учительница в сельской школе. В 1926–27 гг. работала в Харьковской газете «Коммунист».
- В Архангельске работала машинисткой в газете «Правда Севера». Арестована 3 ноября 1936 года. 3 сентября 1937 г. ОСО НКВД осуждена на 5 лет концлагерей. Умерла 11 октября 1939 года в Севвостлаге (бухта Нагаево).

VI. Воспоминания о Н.В. Суровцовой Н.М. Любимова

Было бы хорошо опубликовать сборник воспоминаний о Надежде Витальевне Суровцовой.

В Архангельске с ней встречался ссыльный Николай Любимов (1912—1992), будущий выдающийся лингвист, переводчик Сервантеса, Рабле, Боккачо, Бомарше, Флобера, Пруста, автор театральных, литературных, церковных, лингвистических мемуаров.

Николай Михайлович Любимов хорошо знал, что такое арест, тюрьма... В те же годы, что Солженицын написал «Архипелаг ГУЛАГ», Любимов написал обширные воспоминания о своей жизни.

В архангельскую ссылку 22-летний Любимов прибыл 6 января 1934 года. Познакомился с литераторами, как местными, так и «бывшими и нынешними ссыльными». Группировались литераторы вокруг «Звезда Севера». Ответственным редактором «Звезды Севера» был «товарищ Попов»¹.

Как-то зашла в редакцию женщина средних лет и принесла Попову рукопись. Держалась она не развязно, но свободно, как не держали себя ссыльные, в которых сразу чувствовалась скованность.

— Вы, конечно, этого не напечатаете. — с усмешкой сказала она Попову. — В самом рассказе ничего «крамольного» нет — вы не напечатаете рассказ только потому, что его написала я. Принесла я вам его на всякий случай — а вдруг? Чем черт не шутит, когда Бог спит?

Я узнал, что это — Суровцева, в прошлом — видный партийный деятель на Украине. Она долго сидела в тюрьме, остаток срока отбывала в Архангельске как адмссыльная. Еще до знакомства с ней я убедился, что гепеушники не отвели от нее попечительного взора. В одну из первых моих бесед в «главном здании», о которых я расскажу дальше, мне задали вопрос:

— Вы Суровцеву знаете?

Я ответил истинную правду: в первый раз, мол, слышу такую фамилию. Но с того дня она запала мне в память.

Потом кто-то нас познакомил. Суровцеву можно было встретить в театре, в концертном зале — всегда с кем-нибудь из «украинских

¹ Попов Николай Дмитриевич (1904, Сольвычегодск. Вологодская губ. — 1940). Первый руководитель архангельских «писателей». Арестован в 1937 году в Вологде. Умер 12.03.1940 г. в Краслаге. (Справка УФСБ по Вологодской области).

националистов». Она пришла на тот мой доклад, на котором присутствовал Новомбергский¹. (А делал я доклад о книге рассказов Георгия Шелеста. Этот самый Шелест был одно время уполномоченным Литературного фонда по Северному краю, но примерно через год после моего доклада проворовался, однако под суд не угодил, козла только выгнали из огорода. Еще немного погодя я узнал, что Шелест — сексот, а уже выехав из Архангельска, узнал, что в ежовщину это Шелесту не помогло и что он загремел в концлагерь. После реабилитации он всплыл, обосновался в Сибири и, для противовеса Солженицыну, сплел небывальщину о лагерных нравах в московском журнале «Знамя» за 1964 год.)

Бывать у Суровцевой я не бывал, но при встречах на улице беседовал с ней. От нее самой я узнал, что муж ее — в «конце». Она ждала, что муж, освободившись, придет сюда, в уже насиженное ею гнездо, а там они рассудят, оставаться им в этом гнезде или лететь туда, где теплей, — на «Вкраину милу».

После убийства Кирова и суда над Зиновьевым и Каменевым мы встретились с ней на пустынной по-зимнему набережной и долго гуляли. Я спросил, думает ли она восстанавливаться в партии.

— А зачем? — вопросом на вопрос ответила Суровцева. — Чтобы через некоторое время опять вышибли, да еще и новое дело пришли?

— Ведь вот же Бухарин, Рыков, Томский покаялись, — возразил я. — Вы, конечно, помните, что сказал Бухарин на пленуме в тридцать третьем году? «Исторически сложившееся руководство нашей партии», — ничего, мол, не попишешь, против рожна не попрешь. И вот все-таки они в партии, могут хоть как-то влиять на умы, Бухарин — по-прежнему редактор «Известий»...

— Ну, знаете, кому-кому, а Бухарину, Рыкову и Томскому я, не завидую, — перебила меня Суровцева. — Не сегодня-завтра и до них доберутся.

Предсказание Суровцевой через два года сбылось. А тогда она показалась мне чересчур мрачной пессимисткой.

Уже когда я покинул пределы Северного края, до меня долетела весть, что, как только она дождалась мужа, их обоих арестовали

¹ Новомбергский Николай Яковлевич (1871, станица Барсуковская Кубанской обл. — 1949 Архангельск) известный русский историк. Состоял в правительстве Колчака товарищем министра просвещения. В Архангельск попал в ссылку после арестов, Соловков и прочих «прелестей» советской власти.

вновь. Такова была участь всех, кто принадлежал к какой-нибудь партии или к оппозиции: такова была участь меньшевиков, эсеров, троцкистов, «правых оппортунистов», националистов.

(Николай Любимов. Неувядаемый цвет.
Книга воспоминаний. Том 2. Языки славянской культуры.
М., 2004. С. 129—131.)

Найти бы тот рассказ, что приносила Суровцова Попову. Вряд ли. Все уничтожено. Бал правят Шелесты...

VII. «Анархистка» — объект оперативной разработки Киевского КГБ

Леся Никаноровна Падун-Лукьянова родилась 27 августа 1924 года в местечке Полонное Шепетовского района (ныне Хмельницкая область) в семье учителей.

Ее мать — киевская мещанка Анна (Ганна) Клементьевна Лукьянова в возрасте 22 лет в 1908 году была сослана на три года в Сольвычегодск (ныне Архангельская область) за участие в Киевской военно-революционной организации партии социалистов-революционеров. В 1904—1905 гг. училась на Бесстужевских курсах в Петербурге. В 1907 г. вернулась в Киев. В 1907 г. арестована и заключена в Лукьяновскую тюрьму. Ее жених — Николай Мальцев был сослан в Вельск (ныне Архангельская область). Ходатайство Анны Лукьяновой о переводе Мальцева (с которым она намеревалась вступить в брак) из Вельска в Сольвычегодск было отклонено Вологодским губернатором.

10 мая 1910 года уездный исправник объявил гласноподнадзорной города Сольвычегодска Анне Лукьяновой об окончании срока ее ссылки. Анна выехала в Киев...

Л. Н. Падун-Лукьянова в 1940 году окончила 32-ю среднюю школу в Киеве. В 1948 — Киевский инженерно-строительный институт. В 1952 году защитила диссертацию на степень кандидата технических наук. 22 года проработала в институте строительной механики и электросварки имени Патона.

С конца 1970-х годов — под наблюдением Киевского КГБ («высказывания националистского характера и т. д.»). В «деле оперативной разработки» значилась как «Анархистка».

В 1982 году вышла на пенсию и вплотную занялась архивными изысканиями по истории Украины.

Результаты ее работ публиковались на страницах киевских журналов и, особенно много после 1991 года в «Зоне», журнале Всеукраинского товарищества политических заключенных и репрессированных.

С ее предисловий в «Зоне» были опубликованы рассказы Надии Суровцовой, исследования самой Л. Н. Падун-Лукьяновой о Наталье Коцюбинской, Ядвиге Мациевской, М. Грушевском, Миколе Чечеле, Евгене Оппокове, Грице Косаке, Трилской трагедии 1938 года и другие.

Но главным трудом Леси стала подготовка к изданию «Воспоминаний» и «Писем» Надежды Суровцовой, великих документов украинской и русской истории XX века.

Последнее письмо Леси (от 18 мая 2002 года) мне привезли из Киева в Петербург.

«Спасибо за письмо, за фото Вашего места обитания у петербургской воды и ксерокопии», — писала она. Вместе с письмом мне передали и две книги от нее: «Листы» Надежды Суровцовой и биографию Екатерины Грушевской, написанную Ириной Матяш. В обширном (как всегда), написанном каллиграфическим почерком письме Леся писала: О чем? Да, все о том же: *«Микита Шаповал, «Энциклопедия украинской восточной диаспоры», третий арест Суровцовой на Колыме в 1950 году: «Это только несколько месяцев, а не 7 лет заключения как Вы написали в «Поморской энциклопедии», о поездке Натальи Коцюбинской и Аркадия Степаненко «на вольное жительство» в Архангельск, о переписке Натальи Коцюбинской с женой, сосланного в Архангельск Назара Петренко — Анной Петренко.*

В конечном счете, о том, что в мире *«Все Женевы от всех Лозанн недалеко».*

Украинский друг, передавший мне письмо и книги сказал: *«Леся Никаноровна умирает, но, видимо, не знает об этом».* Письмо, которое привез друг, заканчивалось необычной фразой: *«Ну, вот, теперь уже прощаюсь».*

Вероятно, все-таки, знала.

«Мужество и работа до последнего часа», — написали мне о ней два месяца спустя. Леся Никаноровна умерла 18 августа 2002 г.

В этом году ей исполнилось бы восемьдесят лет.

22.XI—14.XII.2004
Архангельск

VIII. Дом №100¹

Леся хотела, чтобы я написал историю архангельского краеведческого музея, в котором после увольнения из типографии работала Надия Суровцова.

Сама Надежда Витальевна в далеком колымском Нижнем Сеймчане (спустя более чем 10 лет после «архангельского транзита» из ярославского политизолятора) написала пронзительно «Север полонит меня».

Север полонил ее... А Украина полонила меня... Так же как Бискайский залив в районе Сан-Себастьяна или Великие озера в Мичигане, или старая Гавана — ровно за 20 лет до Киева...

Местные архангельские аборигены ленивы, сонливы и нелюбопытны...

Эта краткая глава для Леси Никаноровны. Это еще не история музея, но две трагические и прекрасные судьбы тех, кто работал в музее вместе с Суровцовой в уже не существующем доме №100, стоявшем когда-то на нынешнем Троицком проспекте. На месте музея уже несколько десятилетий — пустое место. Символично. Я же помню музей таким, каким его описала Суровцова... Она спасла от разрушения костел в Умани... А что спасли эти? Она написала прекрасно об архангельском музее. А эти даже не прочитали. И имя Суровцовой для них пустой звук. Так же как для нынешних туземных «писателей» и «поэтов» имя — Блок — пустое и нелепое... Нынешний Архангельск утопает в грязи, мусоре. Это самый грязный город «Российской Федерации». В местных газетах уже который год идет разговор, что надо бы город «привести в порядок», но грязи и мусора от разговоров меньше не становится...

Какой этой «публике» музей? И тем более его история? Жили они без музея и истории и проживут. Книг они не читают. Спросите местных библиотекарей... В «лучшем» случае — читают какую-то «Маринину»... Впрочем как и во всей РФ... А сама библиотека? Дмитрий Михайлович Пинес, петербургский литературовед, знаток Блока, друг Андрея Белого, отбывавший ссылку в Архангельске и арестованный по одному «уголовному делу» с Дмитрием Олицким писал 6.IX.1935 г. из Архангельска в Ленинград своему другу музееведу, сотруднику Публичной (бывшей Императорской) библиотеки А.Н. Римскому-Корсакову, сыну знаменитого «русского Вагнера» Н.А. Римского-Корсакова:

«Краевая научная библиотека» здесь дикая: нужно спец<иальное> разрешение на выдачу старых журналов, и в этом разрешении мне отказали... Неужели и в Публичной так же?»

¹ Главы VIII, IX, X — написаны в сентябре 2005 г.

С тех пор прошло 70 лет, а в архангельской «Краевой научной библиотеке» все те же нравы... «Списали за ненадобностью» первое в России издание (Павленковское 1905 года) сочинений Герцена! Кому он здесь нужен? Кто его читает? Или хотя бы имя слышал? В бывшей Публичной библиотеке в Петербурге, ставшей «Национальной» ситуация аналогична... От портретов Ленина и его бюстов — «не протолкнуться». Есть там даже «Ленинский зал» (бывший дореволюционный зал иностранной периодики). Тоже логично. Зачем им иностранная периодика? Своя опасна... А директор «Национальной библиотеки» какой-то Зайцев, бывший секретарь какого-то Ленинградского райкома КПСС... Пинесу не дали в архангельской библиотеке старые журналы. Меня в ленинградской «Национальной» в 2002 избил милиционер (слишком много книг читал в «справочном» зале) и лишили права «пользоваться» ее фондами на 5 лет. Фактически навсегда... Не пойду же я туда когда кончится моя «пятерочка»...

Так что же Пинес? С ним Суворцова, возможно, была знакома еще по Петербургу «Серебряного века».

Скончавшийся в 1946 г. в Мюнхене Р. Иванов-Разумник писал в своих знаменитых, посмертно опубликованных в 1953 г. в Нью-Йорке воспоминаниях «Тюрьмы и ссылки»:

«В январе (1937 г. — Ю.Д.) кончался срок архангельской ссылки ДМ Пинеса, просидевшего до этого два года в Верхне-Уральском изоляторе. В самый день окончания срока он был арестован и заключен в архангельскую тюрьму, после чего следы его навсегда пропали».

Судьба Д.М. Пинеса интересует многих. О нем меня спрашивали в Москве, С.-Петербурге, Мюнхене...

В начале 30-х годов в Ленинграде Д.М. Пинес принял участие в качестве текстолога в подготовке под руководством Р. Иванова-Разумника первых томов собрания сочинений Блока.

В тех же воспоминаниях Р. Иванов-Разумник писал:

«Большую работу эту я мог выполнить в такой сравнительно короткий срок только потому, что все эти два года деятельно помогал мне в ней приятель мой Дмитрий Михайлович Пинес, прекрасный и тонкий знаток Блока».

В 1933 г. оба были арестованы как «левые эсеры»!

Из архангельской ссылки. Д.М. Пинес посылал новому редактору В.Н. Орлову свои текстологические предложения. В Архангельске Д.М. Пинес написал хорошо известную специалистам статью «Литературное наследие Андрея Белого», опубликованную в 1937 г. в «Литературном наследии» за подписями вдовы А. Белого К.Н. Бугаевой и А.С. Петровского.

Жил Д.М. Пинес в доме 26, квартира 2 по улице Карла Маркса (до 1920 г. — Лютеранская) в 3 минутах ходьбы пешком до «Дома №100».

Николай Любимов вспоминал:

«Дмитрий Михайлович жил на улице Карла Маркса, в мезонине, — к нему нужно было взбираться по узкой лестнице. Дмитрий Иванович шутил, что это «башня Дмитрия Пинеса», подобна тому как в Петербурге была «башня Вячеслава Иванова». (Н.М. Любимов. Неувядаемый цвет... с. 180).

Отзыв о Пинесе Любимов оставил следующий:

«это был человек совершенной душевной чистоты и негнувшейся стойкости» <>

Завыть по-волчьи, как сделали тогда в большевистском раю многие, подхалимствуя перед коммунистическими властями, Д.М. Пинес органически не мог. Других, сделавших это, прощал...

Н.М. Любимов вспоминал, как однажды на 19 августа Д.М. Пинес принес ему с матерью яблок:

«Мы с матерью забыли, что сегодня — Преображение, а он, еврей, нам, православным, напомнил».

(Н.М. Любимов. Неувядаемый цвет... с. 187, 195).

«Подельник» Дмитрия Олицкого — Дмитрий Пинес был расстрелян в Архангельске 27 октября 1937 года. Через 5 дней расстреляли Дмитрия Олицкого... Чекисты «очищали» город к 20-летию «Великой Октябрьской...». Убивать в этой стране умеют.

Последние три года я почти безвыездно живу в Архангельске. «Башню Дмитрия Пинеса», дом в котором он жил и писал о Блоке, Белом, Сологубе — снесли на моих глазах. На этом месте теперь построят здание «Народного суда». То ли городского, то ли районного... Сюжет для Джорджа Оруэлла или Тенгиза Абуладзе... Имени бессменного секретаря знаменитой «Вольфилы» нет и в приснопамятном «Поморском мемориале»... Совсем как пел Александр Галич:

«Ну писал там какой-то Бабель, и не стало его — делов!»¹

Надия Витальевна Суровцова Олицкая работала в музее научным сотрудником. А старшим научным сотрудником там был бывший Камергер Двора его Величества — Борис Михайлович Молас (6.03.1874 Санкт-Петербург — 13.01.1938 Архангельск). После октябрьского переворота 1917 года Молас работал в Академии наук. Был одним из ближайших сотрудников ее неперемennого секретаря С.Ф. Ольденбурга. В 1931 г. Молас был осужден

¹ «Разряжали репрессированных» в этом «Поморском мемориале» на мой взгляд «в пропорции» 1:15–20.

коллекцией ОГПУ к расстрелу с заменой 10 годами заключения в концлагере за принадлежность к «контрреволюционной организации» академиком Платонова и Тарле.

Срок Молас отбывал на Соловках. В 1934 г., когда ему исполнилось 60 лет, тюремное заключение было заменено ссылкой. Так он оказался в Архангельске.

В тот период, как и в дореволюционное время, основным культурным элементом в городе были ссыльные. Молас занял среди них довольно видное место. Дворянин по социальному происхождению, действительный статский советник, он был сыном художника, который заведовал типографией петербургских театров. По своему происхождению и родственным связям Б. Молас принадлежал к высшим слоям Российской империи. Его двоюродная сестра была замужем за бароном Штакельбергером, а другой его родственницей была графиня Бисмарк... После окончания юридического факультета петербургского университета Молас работал в государственном контроле, а в годы первой мировой войны — уполномоченным Красного Креста в Управлении северного фронта. Профессией своей Б. Молас считал юриспруденцию и историю искусств. Именно поэтому в годы гражданской войны он немало сделал для спасения в провинциальных русских городах памятников старины, в том числе и на Севере, где он неоднократно в тот период бывал. Кое-что благодаря экстренным мерам, принятым уполномоченным по охране памятников искусства и старины Академии наук Моласом, удалось спасти в северных губерниях, в Каргопольском уезде и других местах. Никогда не состоявший ни в каких политических партиях Б. Молас в 1923 году постановлением общего собрания Академии наук был назначен управляющим делами канцелярии Академии наук и работал в самом тесном контакте с Сергеем Федоровичем Ольденбургом...

В октябре 1929 г. начались аресты ученых по «делу АН». Было арестовано около 200 человек. Всего же пострадало (включая административно высланных) несколько сотен человек. Российской науке был нанесен тяжелейший удар, судьбы многих ученых до сих пор не известны.

В 1994 году мне стала известна трагическая судьба Б. Моласа.

В Архангельске он жил по адресу: Северодвинская, д. 5, кв. 2, а последним местом его работы был северный краевой музей, в котором он заведовал фондами и числился на должности старшего научного сотрудника.

Будущему историку Архангельского краеведческого музея есть что написать и о самом музее, и о людях, которые создавали и работали в нем. Интересно было бы узнать, где сейчас находятся экспонаты выставки, которую Б. Молас организовал вместе с сосланным поэтом Борисом Зубакиным из предметов восточного искусства), привезенных в Архангельск накануне

революции экспедицией контр-адмирала С.А. Посохова. Много тайн хранит и Гостиный двор...

Всего три года жил Борис Николаевич Молас в Архангельске. Но сделал для Архангельска многое.

Только лишними были такие люди, как он, для власти: и на берегах Невы, и в глухом углу — на берегах Северной Двины...

О последних днях Б.Н. Моласа. Уже была принята сталинская конституция, страна готовилась к «всеобщим выборам» (в избирательный список заносился один кандидат — его и избирали) в Верховный Совет. О том, что происходило в те дни в Архангельске, оставила свидетельство учительница русского языка и литературы школы № 10 имени А.С. Пушкина Лидия Китицына (жена сосланного в Архангельск костромского краеведа В.И. Смирнова):

«1937. Шли массовые аресты. Трамваи работали круглые сутки. Ночью возили арестованных. Город очищали от сомнительного элемента. Приближался день выборов в Верховный Совет. Люди не ложились спать, прислушиваясь, не идут ли. Настроение было такое, что я полтора месяца не мыла пол: зачем, может быть, и жить не придется».

Не мешало бы об этом помнить. Так же, как и о том, что под пулю шли не только люди, подобные Моласу или Зубакину (ученые и поэты), но и палачи типа 1-го секретаря Северного крайкома ВКП(б) «товарища Иванова», арестованного в том же году. В кровавом пароксизме ненависти и крови машина террора переламывала всех.

Б. Молас был арестован 30 декабря 1937 года. Незадолго до этого — 20 октября — он уволился из музея. Ведь он был «сомнительным элементом», бывший зек и сосланный. Такие подлежали чистке в первую очередь. Не помогло. Какое-то время он работал еще в Архангельском большом театре в качестве заведующего музеем, но вскоре уволился и оттуда — стал пенсионером.

Накануне нового, 1938 г. за 63-летним ученым пришли... Недорезанного и недорасстрелянного в 1918 г. Моласа взяли 20 лет спустя... Генеральная линия на уничтожение выдерживалась четко. И если в 1918 г. «классово чуждых» штабелями отправляли в братскую могилу по закону «революционной совести» «судий», то теперь сначала заполняли анкету арестованного, а в качестве доказательств «вины» появились показания «свидетелей». В чем же заключались «преступления» Моласа, за которые его расстреляли? Выписки из обвинительного заключения:

«В ноябре 1935 г. Молас распространял провокационные слухи о происходивших якобы издевательствах над заключенными и их массовом вымирании на Соловках¹. <>12 декабря 1937 года Молас распространял провокационные слухи о массовых арестах и репрессиях якобы проводившихся Советской властью, среди присутствующих выражал свое возмущение!».

Один из свидетелей по «делу» Моласа показал, что 12 декабря 1937 г. Молас рассказал ему:

«Мой хороший знакомый Сладков², (зав. облоно. — Ю.Д.) живет теперь один в огромном доме «Северолеса». Он занимает одну квартиру, а остальные запечатаны. В Ленинграде творится нечто более ужасное, чем здесь. Сюда прибыли жены с детьми, среди них грудные, арестованные в Ленинграде. Им дали билеты до Каргополя и 20 рублей денег. С этими деньгами они должны доехать и дойти до лагеря между Каргополем и Нядомой, верст тридцать пешком».

Если в 1918 г. «социальная революция» в «белых перчатках» по заявлению красных вождей не нуждалась, то в 1937 году, как видим, соввласть от своих преступлений стала уже открещиваться и называть их «провокационными слухами», ну а свидетелей преступлений как принято у уголовников — убирать.

Чекисты трудились — не ленились 30 декабря арестовали, 31 декабря допросили, 1—3 января отпраздновали Новый год, а 4 января тройка УНКВД по Архангельской области вынесла приговор — расстрелять.

Б. Молас своей вины не признал. Где закопали и утрамбовали (ведь «тройки» такие приговоры за одно «заседание» выносили десятками, а то и сотнями) его — не известно.

До большевистского переворота Архангельск (основанный в 1583 году голландскими и английскими купцами) входил в список 13 наиболее достопримечательных городов-музеев России.

К середине 1930-х этот город-музей перестал существовать. Взорвали кафедральный собор, здание таможни, многое другое...

К моменту ссылки Суровцовой от бывшего великолепия остались только жалкие остатки Гостиных дворов. В них располагались типография, в которой одно время работала Надия Суровцова. Это здание (XVII век) — главный памятник архитектуры истории Архангельска стоит и ныне. Доразрушается. Его фото (зима 2004 года) вынесено на обложку книги.

1 Соловки — для украинцев, да и для самих русских, что Освенцим для евреев или Дахау — для немцев. Сотни тысяч (миллионов?) смолотила здесь коммунистическая каторга. Но «россиянам» все мало. Ныне здесь проводят песенные фестивали. Пляшут, поют. «Смех и музыка» над соловецким интернациональным Бабьим Яром...

2 Сладков Николай Дмитриевич (1894 Московская г. — 22.04.1938 Архангельск) расстрелян. Его имя — в расстрельном списке, утвержденном лично Сталиным.

IX. Другая Надежда

Вместе с Моласом, Суровцовой в доме №100 работала Надежда Ивановна Евдокимова (урожденная Боброва) (Годы жизни — 4 сентября 1894. Холмогоры, Архангельской губернии — 15 июня 1979 г. Архангельск).

Дочь холмогорского врача Ивана Ивановича Боброва, внучка архангельского врача Александра Петровича Затварницкого, жена Андрея Андреевича Евдокимова... о всех четверых надо писать книги...

Затварницкий (1829 Подольская г. — 1902. Архангельск) из дворянской семьи. Окончил знаменитую гимназию в Виннице, медицинский факультет Университета Святого Владимира в Киеве. Участник боевых действий в Крымской войне. С 1858 года — архангельский врач. Организатор общества архангельских врачей, одной из первых общественных организаций в просыпающейся после Крымского разгрома Российской империи... В истории России эти годы наиболее важные и интересные... В истории Архангельска тоже.

В 60-е годы XIX века здесь оказались в ссылке украинские, польские, сибирские «сепаратисты». Будущие крупные ученые: Александр Стронин, Павел Чубинский, Петр Ефименко, Болеслав Лимановский, Николай Ядринцев, многие другие... В эти годы «набирала высоту» в Холмогорах и Архангельске жена Петра Ефименко — Александра Ефименко (урожденная Ставровская), будущая основательница первой в России кафедры украинской истории на высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге. Александра Ефименко стала первой в России женщиной, которой присвоили (Харьковский университет) звание доктора истории. Ее слава — всемирна.

Надия Суровцова занималась в ее семинаре по украинской истории на Бестужевских курсах. Ефименко «дюже импонировала» молодой украинке с Умани...

В те же годы на Высших Стебитовских сельско-хозяйственных курсах в петербурге училась и Надежда Боброва. В 1919 г. в Харькове она закончила Новоалександрийский сельскохозяйственный институт.

В 1919 г. на митинге в Мариуполе она увидела Андрея Евдикимова, знаменитого деятеля харьковско-московской кооперации, создателя высших крестьянских школ, исходившего пешком всю Россию... Были тогда такие люди... В 1921 г. Андрей и Надежда Евдокимовы приехали в Архангельск. Встречавший Евдокимова в конце 1920-х годов Родион Акульшин¹ характеризовал его так:

1 Акульшин Родион Михайлович (1894 д. Виловатое. Поволжье — 1988 Ашфорд. Коннектикут). Примыкал к крестьянскому крылу литературной группы «Перевал». Опубликовал в СССР 8 книг. В 1941 г. — немецкий плен. С 1949 г. в США. На новой родине получил известность под фамилией «Березов», опубликовав 10 томов поэтических сборников и многие тома прозы: повестей, рассказов, мемуаров, публицистики...

«Андрей Андреевич Евдокимов, пионер русской кооперации, неустанный труженик, незаменимый трибун и бескорыстный вдохновитель молодежи <> человек исключительного размаха, бьющей ключом энергии, философ, экономист, поэт и кооператор»

(Родион Акульшин. У Архангельских краеведов.
«Красная Новь». 1928. №2. С. 187)

Надежда Евдокимова всю жизнь проработала в архангельском музее. В доме № 100.

Евдокимов был человеком крупного масштаба. не архангельского и не московско-петербургского... Александр Чайнов, который слушал его лекции в университете имени Шанявского в Москве назвал Евдокимова «великим пророком». Чайнов тогда еще не мог предвидеть трагической, пророческой смерти Андрея Андреевича Евдокимова...

Весной 1999 года на 8 этаже 16 этажного дома на углу проспекта Науки и улицы Карпинского в Петербурге я закончил писать начатую в Мюнхене книгу об А.А. Евдокимове. Рукопись была уже в типографии, когда мне привезли бесценный материал — простую тетрадку (за 2 копейки) с биографией Евдокимова, написанной Надеждой Евдокимовой за 1,5 года до смерти.

Оказавшись в Архангельске Евдокимов организовал здесь в 1923 году «Архангельское общество краеведения». Краткий период времени был директором краеведческого музея... Впервые я узнал об Андрее Андреевиче Евдокимове из многотомной американской «The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History» в 1995 году.

В самом же Архангельске о нем никто не знал, знать не хотел и не хочет. Биографию-воспоминание о нем Надежда Евдокимова закончила словами:

«В 1938 г. Об-во краеведения было разгромлено. Все годы с 1922 г. — 1936 г. Андрей Андреевич был научным секретарем Общества.

В одну ночь в Ар-ке были арестованы все кооператоры и из них хотели сделать заговорщиков военного переворота. Людей держали в тюрьме, следовательно менялся за следователем. Улик не находилось и все это дутое дело надо было кончать. Но Андрей Андреевич домой не вернулся. По подозрениям он был выслан летом 1940 года в Красноярский край, в невероятно плохие условия. не было даже хлеба, он давался только по карточкам. И отсюда мы сухарями посылали посылки. С наступлением первых холодов он заболел и умер в селе Большая Мурта недалеко от Красноярска, 6 января 1941 года.

Там были и другие интеллигентные люди, сосланные в эти ужасные годы. Меня сразу известили телеграммой. Поехать с теми возможностями я не могла. Да и не поехавши к живому, потому что он

решиительно воспротивился этому, надеясь скоро оттуда выбраться, зачем было ехать.

Оттуда, знаящие его и бывшие у него, писали мне, описывали его жизнь и последние дни. Письма эти сохранились у меня.

Так ушел из жизни один из самых честных, умных и горячо любящих свою Родину и все что с нею связано — человек.

В 1956 г. я подала на реабилитацию и получила ответ о прекращении дела ввиду полной невиновности А.А. Евдокимова.

1977 г. 19 дек.

Н. Евдокимова.»

Дмитрий Олицкий — расстрелян в Архангельске. Андрей Евдокимов умер в ссылке в Большой Мурте. Осип Мандельштам — в бараке пересыльного концлагеря под Владивостоком.

Их вдовы — три Надежды случайно выжили, сохранили память, написали о «брошенных в безымянную могилу, вернее яму» мужьях...

Х. «Эрика берет четыре копии»

«С самого начала правозащитного движения в конце 60-х гг. Н. Суровцева приняла в нем активное участие», — написано в неподписанном (возможно, автор — Леонид Плющ) некрологе в мюнхенском журнале Кронида Любарского «Страна и мир».

В «Воспоминаниях» Суровцовой¹ об этой стороне ее деятельности, естественно ничего нет.

Александр Галич спивал: «Эрика» берет четыре копии». «Хроника текущих событий» сообщала:

В. Некипелов. *Председателю французского отделения Пен-клуба Ж.Э. Клансье* (18 марта 1979 г.)

В. Некипелов *выступает в защиту 83-летней украинской писательницы Н.В. Суровцевой, проводившей более 30 лет в тюрьмах, лагерях, ссылках. После возвращения из заключения Суровцева подвергалась постоянным преследованиям.*

...

Последний обыск ... был произведен 28 сентября 1977 г. (Хр. 47 — Хр.). На этот раз сыскные явились — такова непридуманная фантастика нашей действительности! — якобы для розыска фальшивых денег. Они заявили, что имеется подозрение, будто бы 80-летняя писательница ... изготавливает фальшивые банкноты! Банкнот, разумеется, не нашли, да и не за тем они приходили. Изъяли пишущую машинку, рукописи и весь литературный архив Суровцевой за много лет, в том числе неоконченные воспоминания.

...

Не могу не отметить, что случай с Н. Суровцевой — лишь звено в длинной цепи. Безвозвратное изъятие литературных, писательских архивов на политических обысках в нашей стране, начиная едва ли не с архива Н. Гумилева, производится на протяжении всей 60-летней истории СССР.

(«Хроника текущих событий», №53, 1.VII.1979)

Н. Комарова. *Надежда Суровцева* (апрель 1981 г., 3 стр.)

1 Леся постоянно требовала, чтобы я писал фамилию Н.В.С. на украинский манер — через «о» — Суровцова. Что я и делаю.

Очерк о судьбе Надежды Витальевны Суровцевой, одной из старейших (1896 г. р.) писательниц Украины.

Почти 30 лет (с 1927 по 1956) Суровцева провела в ГУЛаге (ее муж из лагерей не вернулся). Начиная с 1972 г. она неоднократно подвергалась обыскам (см., например, «События на Украине» в наст. вып.), на которых изъяли весь ее литературный архив.

В жизни всегда нужно находить силы держать голову прямо. Это первый урок, который я вынесла от знакомства и близости с Надеждой Витальевной.

В жизни всегда есть то, чему нужно радоваться. И, значит, нужно улыбаться. Это второй урок.

Жизнь интересна, ее нужно смотреть. И жить нужно. Это третий урок.

(«Хроника текущих событий», №62, 14.VII.1981)

Архангельскому читателю (если таковой найдется) надо сказать, что до 1917 г. Суровцова училась на Бесстужевских курсах в Петербурге. В начале 1920-х закончила философский факультет Венского университета. Первая украинка — доктор философии. В 1925 г. вернулась на Украину. В 1927 г. арестована за отказ сотрудничать с НКВД. «*Стукачи разве это люди*». В Москве ее допрашивал лично шеф чекистской контрразведки Артузов. Затем — 5 лет Ярославского центра, архангельская ссылка, Колыма. Умань...

*« Эрика» берет четыре копии,
Вот и все!
...А этого достаточно».*

«Памятник это то, что — в памяти».

Послесловие

А.И. Солженицын, когда он еще был тот настоящий Солженицын, о котором Анна Ахматова сказала повстречав: *«А, мы и забыли, что такие бываю́т»*, приезжал в Умань к Суровцовой. Получил от нее материалы для «Архипелага ГУЛАГ».

Тридцатилетний стаж коммунистических тюрем, ссылок, лагерей смерти... Суровцова много рассказала Александру Исаевичу.

Колымчанка...

Список 227 советских зэков, давших материал (рассказы, воспоминания, письма) для «Архипелага ГУЛАГ» до сих пор не опубликован Солженицыным, хотя пора для этого уже давно пришла...

А тем временем в Якутии, Красноярске и т. д. ставят памятники Сталину. В Вятке открывают музей «насквозь пропитанному нашей кровью» — Молотову...

И так — по всему Архипелагу.

27 сентября 2005 г.

Шляхи Н. В. Суровцовой

1896. 18. III. — родилась в Киеве
- 1903 Переезд семьи в Умань
- 1912 Заканчивает гимназию и поступает на высшие женские Бестужевские курсы. Историко-филологический факультет.
- 1917 После Февральской революции ведет политическую пропаганду в селах Уманщины. Осенью приезжает в Киев, чтобы закончить учебу в Киевском университете, так как после большевистского переворота Бестужевские курсы прекратили существование.
1918. 31. XII. В составе украинской дипломатической миссии выезжает на мирные переговоры в Париж на Версальскую конференцию.
- 1919—1920. Учится в Венском университете. Защищает диссертацию «Богдан Хмельницкий и идеал украинской государственности» Первая женщина доктор философии с Украины.
- 1921 Вместе с Александром Олесем (классик украинской поэзии) и Николаем Чечелем (расстрелян в 1937 г. в Суздали) создает и возглавляет комитет помощи «Голодающим Украины». Занимается сбором пожертвований в Германии.
- Декабрь. Участвует в конгрессе «Лиги мира и свободы» в Гааге.
- 1923 Выступает с лекциями в США и Канаде (Нью-Йорк, Цинцинати, Чикаго, Кливленд, Детройт, Миннеаполис, Торонто, Монреаль). Начало публицистической деятельности Надии Суровцовой в североамериканской и канадской прессе. (Несколько десятков публикаций)
- 1924 Вступление в компартию Австрии. Вместе с Францем Коричонером переводит на немецкий язык работы В.И. Ленина.
- 1925—1927 Едет на Украину. Живет в Харькове. Вступает в Союз писателей Украины. Продолжает публиковать статьи в США, Канаде, а также в украинских газетах и журналах. Переводит на украинский язык европейскую классику (К. Гамсун и другие). Знакомится со многими представителями будущего украинского «Расстрелянного возрождения» (Михаил Семенко, Лесь Курбас и другие). Работает в отделе прессы Наркомата иностранных дел Украины. Учится в аспирантуре

Харьковского университета на кафедре истории украинской культуры
академика Д.И. Багалея. Публикует статьи по истории Украины.

1927. 28. XI. Арестована в Харькове.

6 XII. Доставлена в Москву. 8 месяцев в камерах Лубянки и Бутырки.
Допросы вел «сам» начальник «контрразведывательного» отдела ГПУ
А.Х. Артузов.

1928—1932 Казематы Ярославского Централ

1932. XI. — 1935 Ссылка в Архангельск. Работает корректором в типографии
им. Склепина, научным сотрудником краеведческого музея. Пишет
рассказы.

1935. 12. XI. Зарегистрировала в Архангельском ЗАГСе брак с Д.Л. Олиц-
ким.

1936. 3. XI. Арестована в Архангельске.

1937. 3. IX. По делу «Украинской контрреволюционной группы в Архан-
гельске» ОСО НКВД СССР приговорил Н.В. Суровцову-Олицкую
к 5 годам концлагерей. Этап: Архангельск — Вологда — Сверд-
ловск — Иркутск — Владивосток — Магадан.

Весна 1939—V. 1942. Колымские лагеря.

1942—1950. Жизнь на вечном поселении на Колыме.

1943 Начала писать «Колымские силуэты»

1946 В стане Утинка начала писать воспоминания.

1950. 15. II. Нижний Сеймчан. Третий арест. 8 месяцев «следствия». Осво-
бождение до «особого распоряжения».

1957—1985. Только через три года после смерти Сталина Н. В. С. возвра-
щается в Умань. Занимается общественно-полезной и литературной
деятельностью. При жизни ничего напечатано не было. Многое изъято
при обысках КГБ и до сих пор не возвращено. Солженицын приезжал
к ней в Умань и получил от нее материалы для «Архипелага ГУЛАГ»

13 апреля 1985. Умерла в Умани на 90-м году жизни.

Архивы

1. Архангельский областной краеведческий музей (АОКМ). Научный архив.
 - а) Л.С. Кितिцына. Материалы для биографии Василия Ивановича Мирнова. (1882–1941)
 - б) Личные дела сотрудников музея: Уйтенхофена А.В., Евдокимовой Н. И. и других. Воспоминания, письма, автобиографии и т.д.
2. Архив регионального управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области. (АРУ ФСБ по АО).

ф.7 (фонд пересмотренных архивно-уголовных дел) «АУД» Суровцовой-Олицкой Н.В., Олицкого Д.Л. и других.
3. Государственный архив Архангельской области. (ГААО).
 - а) ф. 1187. оп. 1. д. 674. Дело Сольвычегодского уездного исправника «Овысланной под гласный надзор полиции мещанке Анне Клементьевне Лукьяновой 24 июля 1908 – 10 мая 1909 гг. На 14 листах
 - б) ф. р-1222 Северный краевой краеведческий музей. 32 архивных дела.
 - в) ф. р-2706 Типография имени И.М. Склепина
4. Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГА ОПДФ АО).

ф. 856 Первичная партийная организация типографии имени И.М. Склепина.
5. Личный архив автора.
 - а) Письма Л.Н. Падун-Лукьяновой, Дмитро Калюжного, архивные справки из вологодских, киевских архивов.
 - б) Биография Андрея Андреевича Евдокимова, написанная Н.И. Евдокимовой (копия).
 - в) Другие материалы.

Оглавление

Предисловие	5
I. Письма из Архангельска	8
II. Арест и «следствие»	17
III. Дмитрий Олицкий	30
IV. «Север полонит меня»	40
V. Список архангельских политссыльных 1933–1937 гг. (по материалам архивно-уголовных дел Надии Олицкой-Суровцовой и Дмитрия Олицкого)	50
VI. Воспоминания о Н.В. Суровцовой Н.М. Любимова	72
VII. «Анархистка» — объект оперативной разработки Киевского КГБ ..	75
VIII. Дом №100	77
IX. Другая Надежда	83
X. «Эрика берет четыре копии»	86
Послесловие	88
Шляхи Н. В. Суровцовой	89
Архивы	91

Юрий Всеволодович Дойков

Надія Суровцова. На засланні в Архангельську. (1933—1937)

E-mail: ydoikov@yahoo.com

д.т. (8182) 266-897

Подписано в печать 05.10.05
Формат 60×84/16. Гарнитура LiteraturnayaС.
Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 4,1.
Тираж 30 экз. Заказ № 2538

ООО «Издательский центр СГМУ»

г. Архангельск, пр. Троицкий, 51, каб. 2331
Телефон (8182) 206-190